

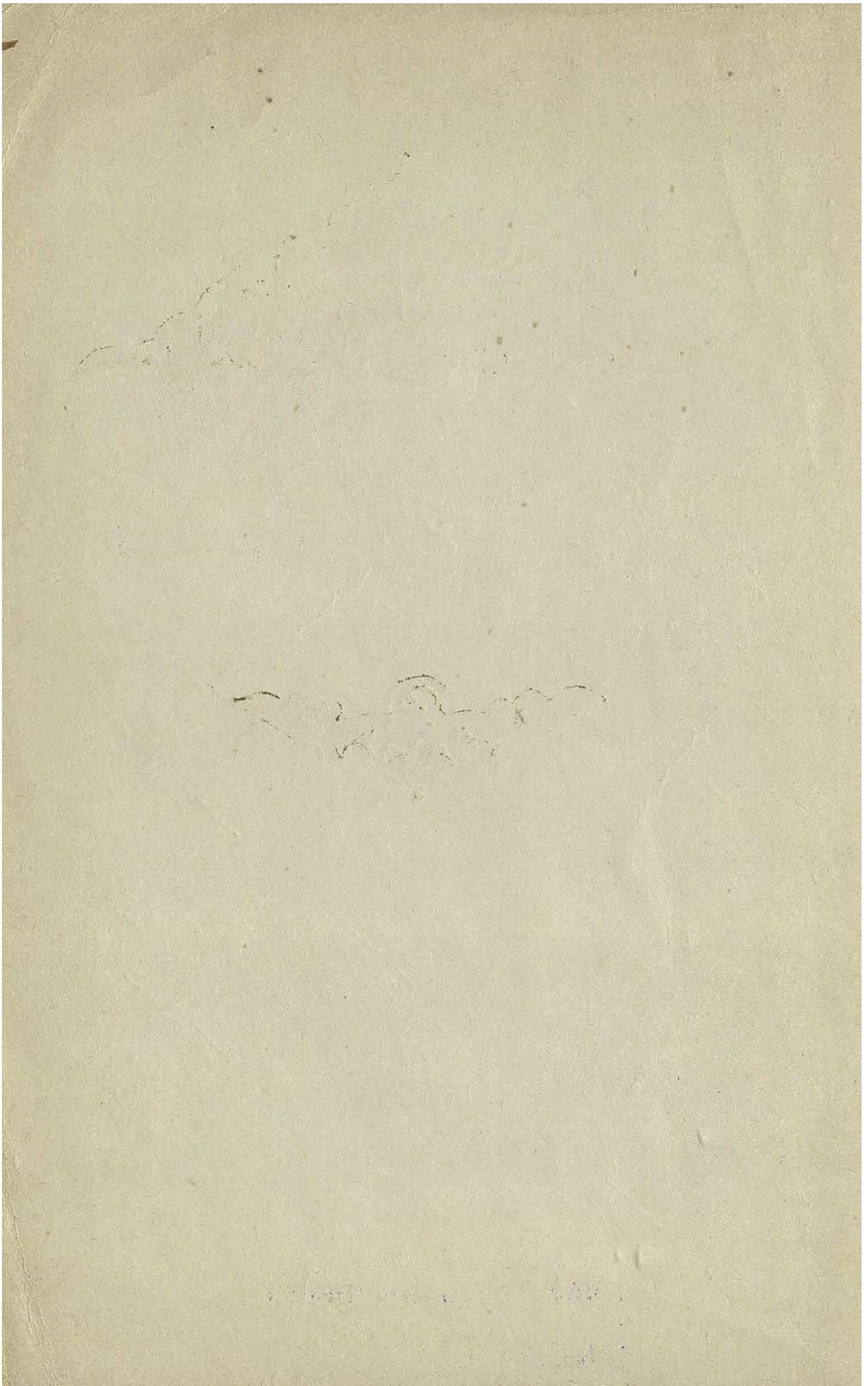

УСТНЫЕ
РАССКАЗЫ
УРАЛЬСКИХ
РАБОЧИХ

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1953

1/21 23
8 мая
г. Свердловск

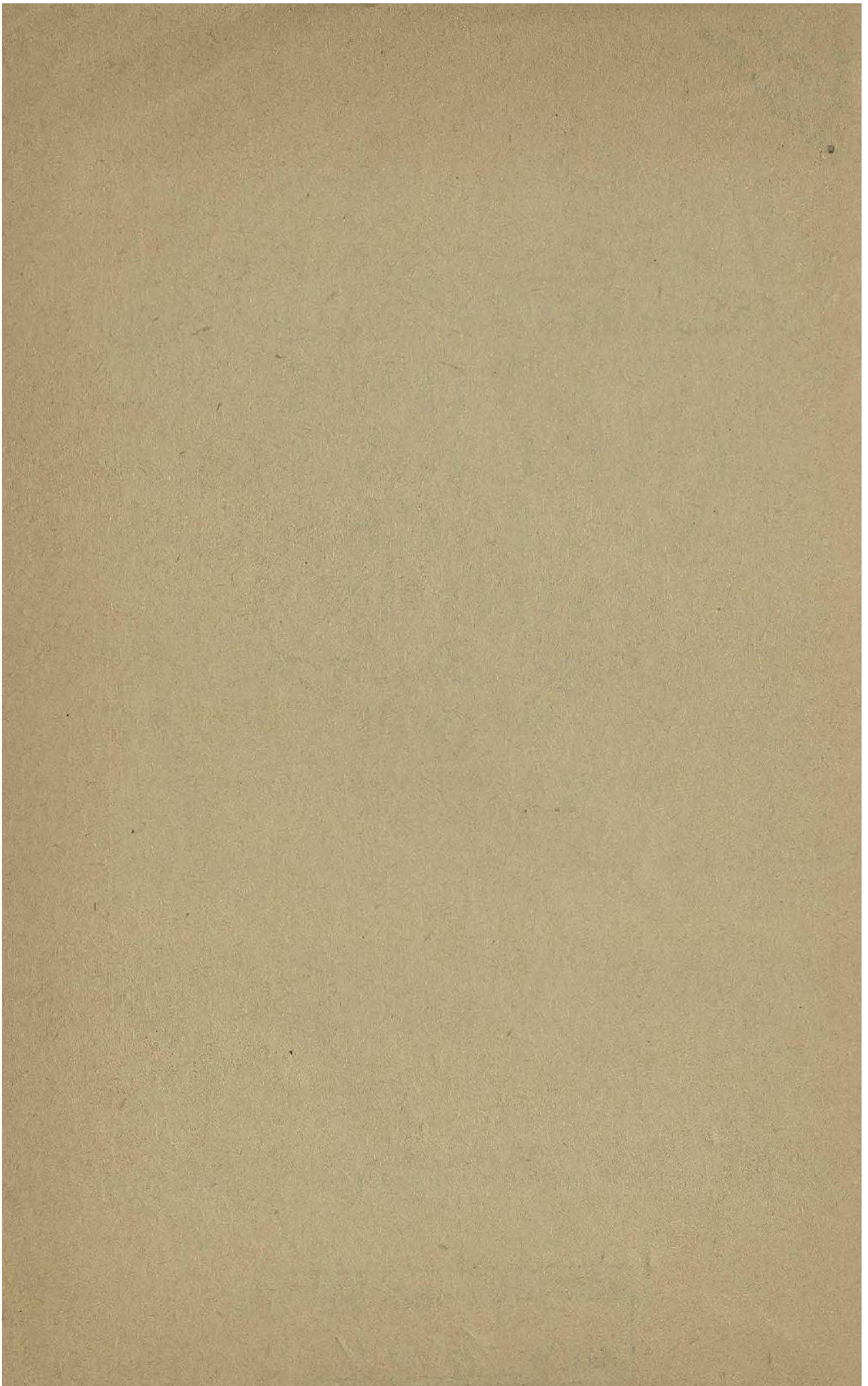
УСТНЫЕ
РАССКАЗЫ
УРАЛЬСКИХ
РАБОЧИХ

РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. Г. КИТАЙНИКА

Свердловское
Книжное Издательство
1953

МКУ ГО Заречный "ЦБС"
Инв. № 164631

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ РАБОЧИХ УРАЛА

А. М. Горький неоднократно призывал советских писателей и фольклористов изучать рассказы трудящихся. Он с восторгом отзывался о рассказах донской батрачки Г. Грековой, уральской работницы А. Коревановой и других.

«Немые до Октябрьской революции,— писал Горький,— женщины-крестьянки, работницы начинают сами, своими словами, рассказывать о прошлом». Эти рассказы, по выражению Горького, «имеют значение исторических документов».

Мы назвали рассказы уральских рабочих «устными» потому, что они были записаны в устной передаче. Эти рассказы представляют интерес как живые свидетельства современников о тех изменениях, которые произошли в жизни и мировоззрении рабочих после Великой Октябрьской социалистической революции.

В рассказах о предреволюционных годах — годах проникновения в широкие массы народа идей социализма — появляется новый исторический герой, кровно связанный с революционным движением рабочих, показана связь революционного пролетарского движения на Урале с освободительным движением всей страны. Здесь отразилось понимание того, что только Коммунистическая партия сумела указать народу путь борьбы и победы над самодержавием, что в отличие от бунтаря-протестанта XVIII—XIX веков, не знавшего выхода из трагических условий жизни, пришел борец-коммунист, воплотивший вековые идеалы народа и указавший ему, куда идти и что делать.

Современные рассказы уральских рабочих о прошлом отличаются от дореволюционных рассказов рабочих даже в том случае, если они затрагивают одинаковые исторические явления. Советские рабочие, по словам М. Горького, обращаются к прошлому, чтобы проверить исторический путь своего класса для еще более самоотверженной и сознательной борьбы за коммунизм.

Неизмеримо вырос духовно советский рабочий. Рассказывая о прошлом, он стремится раскрыть всю глубину общественных противоречий, классовый источник угнетения. Изображая прошлое, рабочий Урала

не забывает великих изменений, происшедших в жизни своего класса, в жизни своей страны, великих задач будущего. Он противопоставляет старой жизни жизнь новую. Поэтому его рассказы о старой жизни проникнуты бодрым и оптимистическим чувством победителя.

В первом разделе сборника представлены рассказы уральских рабочих старшего поколения. В разделе «В годы строительства социализма» к ним прибавляются голоса людей среднего поколения и молодых рабочих.

Рассказы этого раздела воссоздают процесс вовлечения уральских рабочих в строительство новых форм жизни, формирования социалистического сознания рабочих в их активной борьбе со всем старым, отживающим.

Устные рассказы уральских рабочих рисуют основные черты героя советской эпохи, его активное отношение к действительности, стремление к творчеству.

Эти черты особенно ярко выражены в рассказах уральских рабочих о труде.

На многочисленных фактах повседневной производственной практики рабочие Урала показывают, что любой человек нашей страны, если только «он работает хорошо и дает обществу то, что может дать,— он герой труда, он овеян славой»¹.

Труд для советского человека — жизненная потребность. Рабочие рассказывают о своем труде с глубокой любовью. Лауреат Сталинской премии Г. В. Арцыбашев, прошедший большой трудовой путь, кончает свой рассказ о советских рабочих такими словами:

«Завод для меня — вторая семья. И для каждого рабочего тоже. Тут не простая привычка. В нашей работе настоящая любовь между людьми куется, настоящая привязанность. Вот почему, не работаешь по какой причине день всего, и беспокойство тебя охватывает. Всей душой рвешься на завод. Как о родной семье заботишься о нем. Жизнь вся там. И знаешь, что с такими рабочими, как наши, не пропадешь — все делают наши люди! Только вперед, только вперед смотрят. Не любят они отсталых».

Из отношения к труду как к «своему собственному родному делу» рождается массовый трудовой героизм и патриотизм нового социалистического типа, потому что, как учит товарищ Сталин, «социализм строится на труде. Социализм и труд неотделимы друг от друга»².

Мысль о том, что советский народ является передовой бригадой человечества, возбуждает в трудящихся массах нашей страны великую активность в творческом труде и в борьбе за мир. Когда знатный уральский сталевар В. М. Амосов рассказал на Первом Конгрессе мира о том,

¹ И. В. Сталин. Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года. Сборник «Ленин и Сталин о труде», Профиздат, М., 1940, стр. 582.

² «Ленин и Сталин о труде». Профиздат, М., 1940, стр. 540.

как уральцы борются за мир, один из участников Конгресса взволнованно воскликнул: «Ваши слова нужно переложить в стихи, песни, чтобы они звучали повсюду».

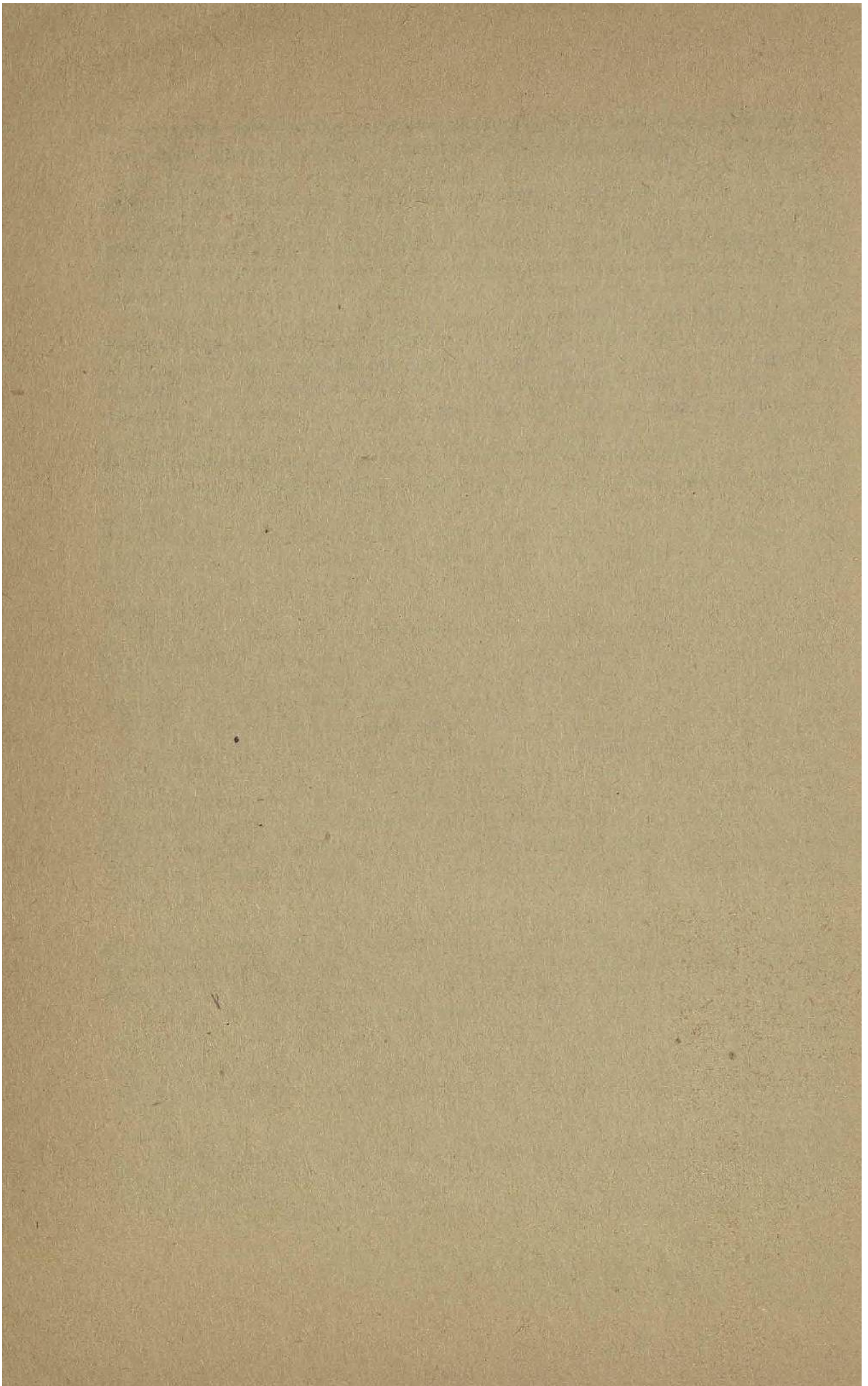
Эти слова прекрасно определяют идейное содержание рассказов советских рабочих.

Настоящий сборник составлен из записей устных рассказов уральских рабочих, сделанных участниками кружка уральского фольклора — студентами филологического отделения Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

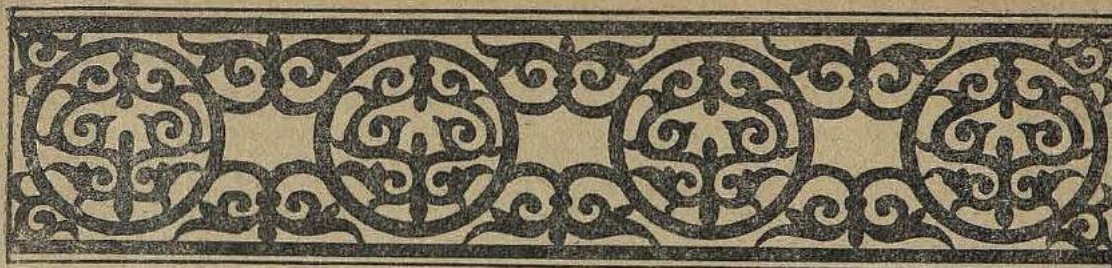
Вполне естественно, что силами кружка студентов и в сравнительно небольшой период времени невозможно было охватить все промышленные районы Урала. Записи устных рассказов, вошедшие в настоящий сборник, сделаны лишь на нескольких передовых фабриках и заводах Урала.

Одну из экспедиций по собиранию материалов для сборника «Устные рассказы уральских рабочих» организовал Свердловский областной Дом народного творчества.

М. Китайник.

ЖИЗНЬ И БОРЬБА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ДО РЕВОЛЮЦИИ

На медном руднике

Медный рудник считался самым страшным в работе: шахты были сырые, не вентилировались. Давали урок и пока его не выработаешь, из шахты вылезать нельзя было. Там и работали-то не подолгу: обыкновенно человек умирал, не выдерживал длительного пребывания на этой работе. Инструмент — балда да кайло. При взрывах применялся черный порох, а так как вентиляции никакой не было, часто получались угары.

А то еще руду выламывали большим таким ломом. Он назывался «черемухой». Бралось человек десять за лом, раскачивали и ударяли, а если расщелина, то вставляли в расщелину и выламывали кусками.

Записал В. Попков, летом 1950 года, в селе Н.-Утка, Билимбаевского района, от Попова Ф. И., пенсионера, члена КПСС с 1917 года.

В крепостную пору

В крепостную пору, дед сказывал, в шахтах свечей не было, а конопляное масло стали жечь. А от него дыму, копоти — страсть! Народ и стал болеть.

А еще отец сказывал: в крепостную пору был приказчик, Красной Рожей звали. Спустится в забой Красная Рожа и говорит: «Вот тебе стена — сядни вырубь!» Человек робит, ро-

бит — не может осилить. Клин да кайло — вот и все инструменты. А придет Красная Рожка и давай за волосы таскать. А уж если кто перечить станет, так живо в солдаты сплавят. Реденький при крепостничестве оттуда возвращался. Коли человеку под сорок, — так и знай, что на смерть проводили. А на место старых хозяин из своих имений крестьян пригонял, а они все равно как волю робили. Им давали маленько мяса, да одёжу плохонькую, да лапти. Мы вот тоже пригнаны. Туляк прадед мой был.

Записали Т. Лежнева и Л. Илюхин, зимой 1951 года, в г. Нижнем Тагиле, от Шадурина Ф. Ф., 79 лет, конюха на Высокогорском руднике.

Тяжело жили приисковые рабочие

Тяжело жили приисковые рабочие. Их постоянно горное начальство обирало, а то и вовсе жалованье не выплачивало. А на рабочие денежки разные начальники дома себе понастроили, рысаков завели. А рабочим какое житье? Особенно «контрашным». «Контрашные» — это русские, татары, башкиры, которые на сезон нанимались. Жили они в казармах человек по 40—50 вместе с детьми. В казарме одна печка, а кругом нары, да и тех нехватало: один спит, другой на работе, потом меняются. Грязь кругом. Если ребенок заплачет, то мать с ребенком выгонят на улицу. Пьянки, драки, ссоры постоянные; а дети заберутся под нары, кто куда может, и смотрят на драку. Школ для них не было, конечно. Подрастут — их сразу на работу, а работа нелегкая. Старики об этом до сих пор помнят, рассказывают молодежи о прежней-то жизни.

Записала Г. Мельникова, на Ленинском прииске, Миасского района, Челябинской области, в июле 1951 года, от Худякова С., 1904 года рождения, заведующего клубом Ленинского прииска.

Перед „волей“

От старичков слышал на Крещенском руднике: освобождение было от крепостной зависимости. Приехал Чубаркин — вроде главного штейгера на рудниках. Перед его приездом начали в гору спущать суп, кашу и всякую штуку. В народе разговоры: «Ну, ребята, скоро воля будет».

Приехал Чубаркин со стражниками и стал у выхода из горы. Кто вылезает, спрашивает:

«Какие претензии имеете?»

Но напуганная ворона, известно, куста боится. Народ не понимает. Ране-то никогда не спрашивали.

И вот народ и ринулся кто куда. Потом поуспокоились немного — начали выходить из мелкого леса, из кустов.

«Ну, ребята, чего бояться — воля будет», — кричат некоторые похрабрее. Пошумели, покричали и разошлись по домам.

А на другой день, поутру, пригоняет снова Чубаркин на трех серых с колокольцами. Стражников еще больше! Стали перекличку делать:

— Храмцов!

— Я!

— К сторонке!

— Ощенков!

— Я!

— К сторонке!

И вот, значит, выкликал так человек десять этот самый Чубаркин. Народ в гору не пускают. Спрашивает:

— Розги получали?

— Нет.

— Выпороть их! Будет что на воле вспоминать! — а сам усмехается.

Ну, и высекли их перед «волей».

*Записал Ю. Нисковских, зимой 1951 года, в
г. Полевском, от Храмова И. С., 1877 года
рождения, бывшего старателя.*

Вечно голодали

Тяжело жили лысьвенские рабочие до революции. Возьмите нашу семью. Она большая была и вечно голодала. Жили в избушке аршин в семь. Спали на полу. Кроватей, матрацев и в помине не было. В чем на работе, то и подстилка. Отец кочегаром проработал 23 года на Лысьвенском заводе. Зарабатывал 50 копеек в день. Другие рабочие так же жили.

— У Шуваловых много не заработаешь, — говорили рабочие.

У нас на заводе и поговорка сложилась про жизнь нашу: «Мри, душа, неделю; царствуй один день, в получку крендели». Да, зарплаты на неделю нехватало. Получишь ее, купишь фунт кренделей ребятишкам, а там голодом сидишь.

С 6 лет я работать начал. Отец и мать пойдут летом заниматься жать и я с ними. В шесть лет какой жнец! — А жнешь.

В воскресенье либо жать идешь, либо в лес за малиной. Малины засушат и к чаю по праздникам дают. Рябину кистями собирали после снега. Ее тоже сушили.

Отец на работу идет, мать дает ему два куска хлеба и кисть рябины. Так и жили.

Записали А. Еремеев и Н. Репин, в ноябре 1951 года, в г. Свердловске, от Дерягина С. А., 1888 года рождения, члена КПСС с 1917 года.

Восьмилетняя нянька

Отец мой до революции в литейном цехе работал. Жили мы в Сысерти. Было нас, детей, девять человек. Как сейчас помню — все белоголовые ребятишки, курчавые. В 12 часов отец приходил домой обедать. Если кого из нас нет — пошлет разыскать. Приведут, он отдерет, да заставит есть.

— Ешь, не фыркай!

Ели все из одной чашки. Только самым маленьким в отдельную наливали. Корова была своя, а молоко только с чаем пили.

Отец работал 12 часов, даже больше. Денег на руки не давали. Были такие «магазины», там выдавали по расчетным книжкам. У отца была такая расчетная книжка, и вечно он был должен.

Исполнилось мне 8 лет. Приехала богатая баба на подводе. Я и не видывала таких. Радовалась, не знала, что меня горькая судьбина ждет. Кулачка это приехала, нянька ей нужна была. Она и с подводы не вылезла, к окну подъехала, спрашивает у матери:

— У тебя дети есть?

— Есть, — мать отвечает.

Сторговались они: за рубль в месяц меня в няньки — это в восемь-то лет! Мать плачет, а кулачка мне и говорит:

— Ну, пойдем ко мне, работы у меня немного.

А мне уж очень захотелось на лошадях поездить. Я как была босиком, так и залезла на подводу. Мать узелок мне завязала. Увезли меня в деревню Бобровку. Там и началась моя работа.

Много у хозяев всего было — лошадей, коров, овец — я и сосчитать не могла. Я должна была из речки воды натаскать, огородничать, всю скотину вечером встречать, на стол подавать. Как-то раз я суп пролила, так хозяйка меня надолбила по голове. Я уж плакала потом, богу молилась, чтоб не проливать больше. Кулачка меня заставит корову доить, я не умею. Дою, а сама плачу.

Прожила я у них лето, промучилась. Когда снег выпал, все замерзло, они мне говорят:

— Теперь топай домой!

Я их про деньги спрашиваю, а они мне:

— Денег нет, потом придешь.

Я пешком пошла, рада, что домой иду. Кулаки мне ни одной тряпочки даже не дали. Пришла домой в потемках, замерзла, отец с работы только вернулся, спрашивает меня:

— Ну, как пожила, поробила? Хозяйка-то не жаловалась?

— Нет,— говорю.

— А что-нибудь тебе заплатила?

— Нет,— говорю,— не заплатила.

Отец ругаться стал, и заводское начальство ругал.

— Доберемся мы до них. Не вечно им царствовать.

Зимой меня в школу записали. Отец посылал мать в школу узнать, как учусь.

Сходила мать, учительница меня хвалит. Отец бедный был, а голову высоко носил, говорил:

— А иначе-то и не должно быть у нас, у Сабуровых. Мы ведь рабочие!

Весна пришла. У отца в цехе два уставщика было. Один — ничего, а другой — «кривая собака» — так его рабочие звали. Когда он работал, рабочие домой обедать не ходили. Мы отцу есть носили. Посылает раз меня мама:

— Ты, Манюшка, беги скорее.

А у нас по соседству шинкарка Епишиха жила. Недоброе про нее говорили — с полицией она зналась. Ее рабочие не любили, высмеивали. Один раз полицейский на них с шашкой выскочил, гармошку изрубил.

Гуси у Епишихи злющие были. Один гусь глаз ребенку выклевал, да никаких жалоб на нее не принимали. Я уж опаздываю, иду — обе руки заняты, и вдруг выскакивает гусь и прямо на меня. Я думаю:

— Что будет?

Поставила обед и стою. Страшно мне, да и мать боюсь под побой подвести — опоздать с обедом. Такой на меня страх нашел. Схватила гуся за шею и задушила. Взяла обед и бежать. Отец похвалил за обед. Прихожу домой — мать воет. Соседи уж Епишихе сказали, а та к матери:

— Я тебя в тюрьме спеку!

Я убежала, спряталась. У нас в семье твердо было: «Горькая — да правда, сладкая — да ложь». Я пошла отца встречать с работы, мну платье. Он уже догадался.

— Ну, что натворила?

— Я у Епишихи гуся убила.

Отец и говорит:

— Ну и чорт с ним!

Приласкал меня. Идем домой. Отец в избу заходит, мать в ноги ему падает:

— Прости меня, Иван Михайлович!

Отец засмеялся, говорит мне:

— Расскажи, как все получилось.

Я и рассказала.

— Молодец! — говорит отец.

А уже Епишиха идет.

— Здравствуй, Иван Михайлович, наимижайшее тебе, соседка! — хитрым таким голоском.

Отец ей прямо:

— Гуся убила у тебя, хорошо и сделала, хоть соседние ребята отдохнут.

Епишиха за гуся 5 рублей требует. Отец рассердился:

— А на тебе крест есть?!

Выгнал ее.

Через два дня она опять пришла:

— В суд подавать буду, — грозит.

Отец на охоте убил дикого козла, мясо продал, заплатил ей.

Трудно мы жили. Мы, дети, и няньками шли, и воду возили, ничем не брезговали, чтоб хоть кусок хлеба заработать. Нас приучили в семье: «Живем бедно, да честно». Скромности нас учили: «Прежде чем сказать слово, подумай, чтобы уместно было».

Особенно тяжело отцу приходилось. Адский был труд — в земле, на коленях. Предприниматель не заинтересован был в улучшении условий труда. Разогретый металл по канавам разольется, жара. Отец придет домой весь потный, грязный. Многих рабочих калечило.

Записала Н. Богуславская, весной 1952 года, в г. Свердловске, от М. И. Цыбиной, 1902 года рождения, медицинского работника.

Плохая была жизнь

Привели меня на рудник мальчишкой. Это было в 1904 году.

Породу дробили ручным способом. Молоток, лом, балда, клин, шнур — вот и все.

Сначала бикфордова шнура давали настолько мало, что приходилось пороху подсыпать. Черным порохом взрывали. Не успеешь далеко убежать, голову спрячешь, а в спину летит. Ну, ссадины до сих пор сохранились. Убегать-то было некуда. Несчастные случаи были часты. Заболеешь — ничего не платили!

Был у нас такой управитель Бурдаков. К нему в шапке не ходи — забьет. Просится у него человек на рудник:

— Сделай милость, возьми на работу.

Бурдаков поглядит, посвистит, пошел. Тот без шапки за ним. Бурдаков кричит:

— Что ты привязался ко мне, убирайся!

Которые местные, старожилы, огородами поддерживались. Пашни были, усадьбы. Посеет ржи, овса, насадит картошки. А если б не это, горе бы было. А новому человеку как? Приедет гол, как сокол, ни родных нет, ни знакомых. Трудно!

Одевались так: сошьет рубаху почище, дак одевает только в праздники. Сапоги сошьет, дак носит 10—15 лет. Раз в неделю оденет в церковь — и в сундук. Теперь пришел с работы, переодеваешься в чистое. Раньше этого не было... Рабочих в театр не пускали, устраивали дома вечеринки. Дрались шибко, как петухи все равно. Угол на угол дрались. Драки были сильные. Даже доходило до литовок. Парни рассуждают: «Ну, дадут после годов 5—10 — все равно умирать!»

Вот какая жизнь была! Вспоминать ее не хочется. Научит-ся паренек мало-мальски писать, говорят:

— Он у нас грамотный. Письма писать умеет, читать. Девкам пишет, — хвастались.

Наши старики тоже неграмотные были.

Записал В. Попков, летом 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Боровых М. Д., 60 лет, взрывника горного цеха Высокогорского железного рудника.

На златоустовском заводе

Я поступил на завод 12-летним мальчишкой. Мне очень хотелось учиться, но не довелось. Семья была большая, жили бедно. Мать говорила — работник поспел.

Я все утешал мать:

«Как заработаю, так куплю сарафан тебе».

Вот и поступил я на казенный Златоустовский завод, в цех украшения оружия. Там при цехе была школа рисования. Платили ученикам пять копеек в день.

Раз рисую я, а по цеху проходил управляющий-немец. Строгий он был. Идет, а сам палкой стучит. Тишина сразу: муха пролетит — слышно. Торопятся все. Постоял он около меня, что-то мастеру сказал, и вскоре я стал гравером, учеником Коновалова и Костромина.

Условия труда тяжелые были. Представьте себе большую грязную комнату. Посреди комнаты на дырявом полу стоит медный котел с горячим раствором уксусно-кислой меди. Рабочий черпает раствор медным ковшом и поливает клинок с рисунком.

У стены стояло большое кирпичное сушило. Накрасят кинovarью клинок и сушат. Ртуть испаряется, воздух отравляет.

Вентиляции нет. Рабочие кашляют, помирают от туберкулеза. Большая смертность была.

У окна в углу стоит горн на чугунных подставках. В горне — раскаленные угли. Дмитрий Варганов держит клинок над углями и проводит по нему заячьей лапкой. Рисунок намазан жидким раствором золота в ртути. Ртуть испаряется, а золото остается на клинке. Это называется «золочение через огонь». У Варганова выпали зубы и волосы, но бросить работу нельзя: семья.

У окна сидят братья Субботины, резчики по дереву и слоновой кости, просто виртуозы. Делали шашки с насечкой золотом и серебром, ножны из лионского бархата для короля английского, шаха персидского и др.

Быстро работать надо было. А когда заказа нет — отпускали на неделю. Когда придет срочный заказ, то за рабочими отправляли лошадь, и ездил сторож собирать работников: кого — по домам, кого — по канавам.

Закончили клинок сербскому королю — начальство ожидает наград себе, а рабочий? Рабочий срочно выполняет другой заказ — черногорскому князю Николаю.

Как-то раз художник-скульптор Гордеев показал рабочему-резчику Гавриле портрет Льва Толстого. Тот долго рассматривал его, а потом вдруг предложил вырезать бюст его из дерева:

«Давай поспорим: даю тебе два часа, ты сделаешь лепную голову, а я вырежу из дерева. Идет?»

Через два часа Гордеев на доске несет бюст Толстого. Гаврила спокойно вынимает из тисков свою работу.

— У меня тоже готово.

Посмотрел Гордеев, пожал Гавриле руку и сказал:

«Не в этой вони тебе сидеть, Гаврила», — и вышел очень взволнованный.

Гордеев подарил мне полное собрание Салтыкова-Щедрина, Писарева.

Гордеев высмеивал начальство, он на многое нам глаза раскрыл.

Записала Г. Мельникова, зимой 1951 года, в г. Златоусте, от Ногтева И. И., 1890 года рождения, гравера златоустовской фабрики.

Рабочие требуют

Работать я пошел с 12 лет. Семья большая у нас была — четверо сыновей, да две дочери. Ничему нас не учили. Я три класса только кончил.

Сначала я работал с дядей — уголь возил, потом руду в бывшем Пастуховском заводе. Возили руду на лошадях. За-

прягать лошадь я на табурет лазил. Едешь, едешь, иногда свалишься, руду на дороге рассыпешь, а куски большие, пуда по два, по три. Просишь кого-нибудь пособить. Тяжелая была эта работа. В зимнее время в холод вставал с четырех часов утра и, случалось, до шести часов вечера без отдыха работал.

С 15-ти лет меня отец повел дрова рубить для завода Пашия. Железной дороги не было. Ходили мы от Глазова пешком. Работали, начиная с апреля и до октября, а с 20 октября и до апреля — на Логиновском руднике.

На руднике никакой охраны труда не было. Яма огромная, двадцати саженой в глубину. Из нее руками в корзины руду вытаскивали. Бывало, рабочие в эту яму падали. В штреке лежали жердочки и по жердочкам лукошко в тачке катали. Подвезут так породу к окну шахты. Наверху четверо рабочих вывертывают вóротом. Штрек узкий, грязь, сырость, темно. Проработаешь одну смену, тело, рубашка сделаются черные, как головешка.

Работали кайлом, лопатой, больше ничего не было. Руду складывали в штабеля, очищали от породы и тут же обжигали.

Работали мы артелью по 50—100 человек. Артельщики у нас были. Они сходят в заводоуправление и договорятся набрать артель, а потом с каждого рабочего взятку берут: четверть водки, а если руда хорошая попадет, то и полведра водки требуют, да еще закуску давай. Без взятки на работу не возьмут.

Самое большое 12 рублей в месяц зарабатывали. А жизнь-то страшная была. Жили в бараках, человек по сто. Никаких перегородок там не было, так вповалку и спали на нарах. Без выходных дней работали и в бане помыться некогда. Вшей полно, бывало, домой привезешь. А постель-то какая? Лапти снимешь, портянки постелешь на нарах, шапку под голову, да понитком оденешься — вот и вся постель!

Болели. У меня дядя заболел. Пришел с работы, сел ужинать и вдруг застонал, а за врачом 25 километров ехать нужно. Пока врача привезли, дядя и скончался. Или вот свояк мой заболел — надорвался, тяжелое подымал. Он к бабке пошел. Она ему накинула горшок на живот, а когда его в больницу привезли, у него уж кожа черная стала, сгорела. Спасать поздно уже было.

Тяжело было в руднике работать, я и решил поехать на рельсовый завод. В 1904 году я приехал сюда, в Надеждинск. Поступил в рельсопрокатный цех работать. Здесь не легче было. Болванку в 45 пудов со склада возили на тележке с двух колес с ручкой. Сажали ее в печь вручную, вынимали из печи кочережкой. Потом клали на тележку и везли к стану. Вальцовщики с клещами с обеих сторон направляли валки.

На крючке нужно было держать болванку в 45 пудов. От каленого слитка лицо жжет. У станков фрезерного и сверлильного никакого ограждения не было, часто увечья были. Крючочник иногда не успеет во-время подставить крючок, болванка падает на пол, а мастер еще подзатыльника даст или оштрафует на три рубля.

Плату нам задерживали месяца за три. Вместо денег давали талоны в продовольственный магазин. Вот праздник приходит, денег нет, берешь талон, идешь в магазин к купцу Шадрину. Он даст тебе продуктов рублей на десять, а талонов возьмет на двадцать рублей. А сам сдает заводууправлению талоны и получает сполна деньги.

В рельсопрокатном цехе я мало проработал. Рельса раскаленная свалилась мне на ногу. Меня на носилки — и в больницу. Восемь месяцев в больнице пробыл, а заводууправление мне не платило. Потом служил я сторожем при школе.

В 1905 году начались демонстрации, собрания рабочих, маввки. Как-то было большое собрание в народном доме. На нем был директор завода Хренников, главный директор Богословского горного округа Владыкин, мастера. Владыкин говорил, что царское правительство льготы дает рабочим, созывает Государственную думу. Много он льгот насаждал. После него выступил большевик Горшков и сказал:

— Не верьте, товарищи, это все обман. Царское правительство ничего не даст вам. Это оно бросает вам обглоданные кости! Таковую свободу нам не надо! Нам, рабочим, нужен восьмичасовой рабочий день, прибавка зарплаты, рабочие профсоюзы. Нужно, чтобы каждый рабочий на заводе был застрахован и в случае болезни получал бы пособие. Нам нужно, чтобы мастера не издевались над рабочими, чтобы штрафов не было, чтобы политических заключенных освободили, а у помещиков землю отобрали и крестьянам отдали.

А в конце он крикнул:

— Долой самодержавие!

Его хотели арестовать. Я стоял у трибуны близко, он мне моргнул. Я знал черный ход и вывел его.

*Записали Е. Соколова, Н. Богуславская,
А. Еремеев, летом 1952 года, в г. Серове, от
С. И. Филатова, 1875 года рождения, члена
КПСС, пенсионера.*

Забастовка

13-летним мальчиком я попал на Нижне-Тагильский завод. В то время дети песок высевали, светили лучиной формовщикам. Огня-то не было. Один бежит вперед с пучком лучины,

а другой под ноги светит. Формовщик чугуна несет расплавленный, иногда споткнется и сожжет ребенка. За увечье ничего не платили.

С 1896 года я стал работать формовщиком. В 1903 году в Тагил приехал питерский рабочий по специальности тоже формовщик. Но не для работы приехал. Стал знакомиться с ребятами, на квартиру к себе приглашать, объяснять, кто виноват в нашей тяжелой жизни.

В 1904 году была маевка устроена у нас. Кто с топором, кто с ружьем шел, кто с саками, будто пошли рыбачить.

На тракте стоял человек, спрашивал у каждого проходящего:

— Который час?

Отвечали:

— Звенит колокол.

Значит, свои люди. Он направлял, куда идти.

Оратор выступал, говорил о задачах рабочего класса:

— Рабочий класс только собственными силами может освободиться.

Стали прокламации появляться. Забастовал Медный рудник. Потом у завода нашего все сошлись. Пошли по цехам останавливать работу. Все беспрекословно бросили работу. Только в доменном цехе подмастерье заартачился. Его какой-то рабочий ударил, оттащил от домны.

Там, где сейчас памятник Ленину стоит, был первый митинг.

Эта забастовка была экономического характера: требовали улучшения условий жизни. Потом стали требовать, чтобы вывели заключенных. Двух арестованных машинистов вывели, поставили на скамейку. А рабочие их схватили и скрыли в толпе. Здесь стоял взвод солдат. Ни один солдат не выстрелил. Так и пошли оттуда с песнями. Ушли к депо железнодорожному. Там митинг был. Полиция вся попряталась. Несколько дней не ходили на работу.

Я был выбран в депутаты от забастовщиков для разбора дела с администрацией.

Когда забастовка кончилась, наш чугунолитейный цех немного выиграл. За разогрев зимой холодных песков нам обещали набавить по 2 копейки на рубль. Обещали провести электричество.

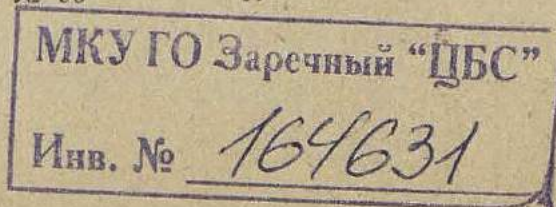
Все это в протоколе было записано.

Управитель Волышко вышел, держит бумажку:

— Вот, господа, вам протокол заседания.

Зачитал его.

— Только слеповато написано. Я вам перепечатаю. Повесьте его в цехе под стекло.

На другой день пришли — нету его, на третий — нету.

Потом не стали платить и 2 копейки. Но электричество все-таки провели.

В главном управлении начальство сказало:

— Полномочия ваши, как депутатов, не снимаем. При всяких недоразумениях будем вызывать только вас.

Деньги рабочим одно время долго не давали. Нас послали.

Принял делегацию управляющий Спизарский.

— «Господа, деньги будут. В Петербург дам запрос. Придется обождать. Тогда рассчитаем вас».

Вот в 1909 году и «рассчитали». Хоп, списки поступили: «Таких-то, таких-то уволить».

Нас, депутатов, всех из завода в первую очередь по шалке. Нигде не давали работы. Здесь по окрестностям совались: в Кушву, в Тавду — нигде не принимали.

Ребята меня взяли в артель, потом в горе поработал на медном руднике.

Через год только меня приняли на завод.

Записали В. Попков и Л. Илюхин, в июле 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Гаева Е. И., 1877 года рождения, рабочего завода имени Куйбышева.

Бросай работу!

Я тогда еще мальчишкой был, всего 16 лет стукнуло. А как сейчас, все помню. В один летний день, как прогудел гудок, рабочие механического цеха Высокогорского рудника не вышли на работу.

— Что такое? В чем дело?

— Забастовка, бросай, ребята, робить!

Мы, мальчишки, услышали это и по всему заводу разнесли:

— Забастовка, бросай работать!

Рабочие из механического цеха пошли в цех рельсовых креплений, потом в литейный, в кузню, на домну. Решили там, что домну нельзя заморозить, оставили несколько человек ее поддерживать чуть-чуть. А все остальные бросили работу. Пришли все к центру. Только гул стоит:

— Подать управляющего! Управляющего нам!

Выскочил он на крыльцо, бледный:

— Ну, что скажете? — говорит.

— Читайте! Здесь наши требования изложены.

Подали ему из первых рядов бумажку. Взял он ее, стоит. А мы, ребята, в первые ряды протискались. Глядим, что дальше будет. Управляющий прочел бумажку. Рабочие требовали

8-ми часового рабочего дня, повышения заработка на 25%, отмены сверхурочных часов.

Ну, прочитал он, видит — толпа мирно настроена. Приободрился немного.

— Я, — заявляет, — не даю вам гарантии, что все ваши требования выполнят. Ждите ответ из Петербурга. Я обещаю приложить все усилия к этому делу. А теперь ступайте на работу.

Что тут поднялось! Одни кричат:

— Нет, не пойдём!

Старики говорят:

— Пойти надо.

Управляющий тут совсем ободрился и говорит:

— Кто не пойдёт на работу, отойдите вправо, а кто пойдёт — на месте останьтесь.

Мало-помалу все вправо отошли, на площади человек 6 мастеров осталось. Конфузно им стало, и они перешли к рабочим. Голоса раздались:

— Бастуем! Гаси домну!

Но тут решили с домной пока воздержаться.

В одно утро распространился слух, что солдаты пришли. Ну, пошли мы на площадь. А дело было в праздник. Глядим, полицейских откуда-то высыпало, узнали, что приезжает губернатор. К нему сейчас депутацию послали. И мы с товарищами прошмыгнули на вокзал. Нас почтенные рабочие отталкивают, а мы одно — знай лезем. Подходит поезд. Губернатор вылезает. Ну, встретили его, стал он речь говорить:

— Что же вы, братцы? Сейчас война. Там кровь проливают, а вы бастовать!

Мужики стоят, потупились. А тут кто-то и закричал:

— А кто кровь-то проливает? Наш же брат на войне страдает!

Тут как закричат все, толпа смешалась, а мы с Ванькой Таракановым на площадь побежали. Народу там столько, ну, всю площадь заполнили!

Выходит под вечер на крыльцо управляющий.

— Ответ, ответ! Бумагу в руках держит.

Он и прочитал:

— В повышении зарплаты отказать. Все остальные требования удовлетворить.

Все молчали минут пять. Он и спрашивает:

— Ну, будете работать?

Кто-то в ответ:

— Обсудить надо будет!

Полицейские кинулись к толпе:

— Кто так говорил?

Но их в кулаки встретили.

Дня через два вышли наши на работу. Кое-что, правда, поулучшилось. Мастера поласковее стали. А в остальном по-старому все было.

Записали В. Попков и Г. Белоусова, зимой 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Мартюшева В. К., 1888 года рождения, пенсионера, старого рабочего Высокогорского железного рудника.

Тяжелое детство

Отец мой прослужил еще при барщине 18 лет «царю и отечеству». А потом сторожем работал в Мотовилихе. Жили мы бедно. Отец получал на всю семью 12 рублей, а детей было пять человек. Матери приходилось стирать белье людям с раннего утра до позднего вечера. Тяжелое детство у нас было. Но отец хотел, чтобы его дети хоть читать умели. Поэтому мы учились в школе. Но жить становилось все труднее. Кончил я школу, отец и говорит:

— Надо тебе, сын, работу искать!

И решил отдать меня золотых дел мастеру Чикменеву. Сам мастер хороший был, но его мать невзлюбила меня, из-за нее и уйти пришлось. На дворе мастерской стоял стол, на котором мы работали. Как-то я вычистил ложки для серебрения, а они не серебрятся. Старуха накинулась на меня, давай за уши драть. А потом оказалось, что денщик (у нас во дворе во флигеле офицеры жили) чистил на столе селедку, ложки замаслились и не серебрились.

У столяра потом прожил три года. Работал он сам и его два сына. Учить не учил, кормил плохо, хозяйке надо было угождать: колоть дрова, убирать двор, носить воду. Чуть что — крик, ругань. Я убежал от хозяина.

Хотелось мне на завод поступить. Там мои друзья работали. На завод без согласия отца не принимали, мне же нельзя было идти к отцу: он мне терпеть велел, а я сбежал от столяра. Но делать нечего, пошел домой. Мастер взял рубль, чтобы на завод устроить. Тогда без подачек не принимали, надо было или денег мастеру дать, или угостить его.

В подручных долго ходили: по году, не меньше. Некоторые, кто побогаче, приглашали мастера к себе домой, пельмени стряпали, водочку выставляли. Угостят, смотришь — сына из подручных в токари переведут.

С завода тоже скоро уйти пришлось: новый мастер невзлюбил меня и постарался уволить. Я уехал в Сибирь.

Вернулся я в Мотовилиху в 1896 году. Устроился работать на завод. Рабочие были недовольны снижением расценок. По-

неволе приходилось идти в заводскую лавку, где можно было брать продукты в долг, а продукты известно какие.

Стали у нас поговаривать:

— На других заводах рабочие бастуют. Начальство бесится, бесится, угрожает, а что делать — ведь не баре работать будут — приходится прибавить рабочим.

Некоторые не верили:

— Как же можно работу бросить? Ведь за это арестуют!

— Всех-то ведь не переарестуешь.

Рабочие стали собираться, особенно недовольные. Некоторые из них с пермской группой «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были связаны, запрещенные книжки получали, рабочим читать давали.

В 1896 году была большая забастовка в Сормово. Это всколыхнуло и наших рабочих. Решили бастовать. Выбрали пять делегатов, требования выработали. Это была экономическая забастовка, «за копеечку», как тогда говорили. Бастовали мы дней пять. Начальство приходило, уговаривало, угрожало, а ничего поделывать не могло, даже «бунта» им вызвать не удалось. Рабочие спокойно стояли на своих местах и не работали. Тут уж губернские власти вмешались. Тогда-то и ввели у нас фабрично-заводскую полицию. Но «фараоны» только вначале досаждали, а потом старались поменьше на глаза показываться рабочим. Боевое время было.

В Мотовилихе стали создаваться кружки. Созывали «субботники» и «воскресники», там читали запрещенную литературу, спорили. Но провокатор Мироносицкий выдал всех жандармам. В одну ночь как-то арестовали человек 80.

Но лучшая часть интеллигенции Перми продолжала искать связей с рабочими. Собирали рабочих в библиотеке Смышляева, спорили, думали, как зажечь сердца тружеников, поднять их на борьбу.

В 1901 году появилась у нас «Искра». Как сейчас помню: напечатана на тонкой бумаге и аккуратно сложена. Сверху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а ниже: «Из искры возгорится пламя!». Газета до того ходила по карманам рабочих, что стиралась по краям и превращалась в лоскутки. «Искра» была для нас самой близкой, самой понятной газетой. Она писала о тяжелом положении рабочего класса, учила правильно разбираться в событиях. Особенно нас зажигали статьи Владимира Ильича Ленина. Они нам глаза на многое открыли. Они учили нас ненавидеть врага.

Рабочие наши очень любили произведения Алексея Максимовича Горького, особенно «Буревестник».

Как-то перед постановкой спектакля «Медведь» Чехова один рабочий прочел стихотворение Некрасова «Размышление

у парадного подъезда». Чтеца хотели арестовать. Пристав тащит его со сцены, а мы подбежали, окружили, говорим:

— Почему арестовываешь? Это ведь разрешенное производство.

А пристав грубо отвечает:

— Арестовываем потому, что нам не нравится.

Тут все запротестовали. Ничего у него с арестом не вышло.

Билеты на спектакли были дешевые. У нас свой художник был. Он разрисовывал рекламы, а потом мы развешивали их по цехам. Особенно запомнился рабочим спектакль «На дне» Горького. Прихожу как-то в цех, спрашиваю:

— Ну как, понравилось?

А рабочие хором:

— Еще бы, такую замечательную пьесу поставили!

Мы старались все использовать, чтобы поднять рабочих на борьбу.

Записала Г. Мельникова, в Мотовилихе, летом 1952 года, от С. Е. Сицилицина, 1876 года рождения, члена КПСС с 1905 года, персонального пенсионера.

Боевое крещение

Семья моя жила бедно. Отец умер в 1900 году. Избенка маленькая, старая. Мать сдавала «угол» рабочим. Поселился у нас молодой мотовилихинский рабочий. Замечательный человек был, много читал. К нему разные люди ходили, читали, спорили. Мне интересно было узнать, о чем спорят, только он смеялся, говорил:

— Подрастешь, Ваня, узнаешь, а сейчас еще рано тебе.

А потом стал понемногу рассказывать: о рабочих наших, об их борьбе против фабрикантов, о стачках, о борьбе немецких рабочих.

— Вот бы нам подняться! Поднимемся!

Давал он мне книги читать. Зачастил и я в библиотеку Смышляева. Как-то сижу в читальне, просматриваю журналы, газеты. Подходит рабочий Василий Новожилов и говорит:

— Если полиция придет,— шепни нам.

У них какое-то собрание было. В библиотеке часто собирался мотовилихинский комитет. Только не успел я их предупредить: полиция нагрянула в библиотеку. Подходит полицейский:

— Что тут делаешь, молокосос?

Я спокойно отвечаю:

— Картинки смотрю в журналах.

Полицейский меня за связного принял, арестовал. Привели в полицию. Ротмистр увидел меня и говорит тихо полицейскому:

— А этого зачем привели?

Полицейский наклонился и зашептал ему на ухо что-то. Ротмистр сразу рассердился.

— Что ты делал в этом осинном гнезде?

— Картинки смотрел, газеты, журналы, — отвечаю.

— У этих Башковых крамольник живет? — спрашивает ротмистр у полицейского. Тот подтвердил.

— Чтоб духу твоего тут не было! Тоже смутьян растет. Во второй раз не показывайся! — кричит ротмистр.

Выгнал меня. Дома мать плачет:

— Что же это, Ваня, будет, если с малолетства в полицию таскать начали? Еще и в тюрьму упрячут.

Это было мое первое боевое крещение. Попался и во второй раз, но это уже после февральской забастовки 1903 года было. Об этом потом расскажу.

Большевики развернули большую работу в Мотовилихе: в цехах и даже в церкви находили листовки Пермского комитета РСДРП. В листовках писали о грубости мастеров, о взятках, призывали не работать в день 1 мая. Полиция забеспокоилась, решила пронюхать, кто это листовками орудует, и подослала провокаторов. Аресты были не только в библиотеке, но и на квартирах.

Но ничто не останавливало рабочих. Они ходили в библиотеку, в кружки. Дружок у меня был, член партии с 1902 года, веселый, везде успевал; листовки распространял и в кружки ходил.

Кружки собирались на дому, человек по пять-шесть, читали большевистскую литературу. Приходили пропагандисты из города. Он оповещал нас:

— Сегодня у Обросова, в пять.

Ну, идем к нему, как будто в гости. Кружки наши листовки распространяли. Полиция часто по цехам с обыском ходила. Если у кого листовку найдет — арестовывала.

Революционное настроение росло. Надоело безропотно переносить грубости начальства и в нищете жить. У нас был инженер, князь Назаров. Лютый был, избивал рабочих. Он как-то ударил одного рабочего кулаком, а тот не растерялся: размахнулся, да Назарову сдачи дал. Ненавидели у нас Назарова.

В июле 1902 года к нему в окно квартиры бросили бомбу, бомба попала в косяк и разорвалась — князю ничего не сделалось. Назаров из Мотовилихи в 1905 году убрался. Его, подлеца, кажется, на Путиловском заводе убили.

В феврале 1903 года снизили расценки на черновую обточку корпусов шрапнелей. Забастовка началась в снаряжном цехе. Вторая смена узнала о снижении расценок и решила бросить

работу. На другой день присоединилась первая смена и другие цеха. Выбрали депутатов, составили требования: удалить инженера Назарова, 8-ми часовой рабочий день для кузнецов и слесарей, вежливо обращаться с рабочими. Пермский комитет большевиков листовки выпустил, разъяснял, что за заводским начальством стоят жандармы и сам царь. Администрация, мол, пойдет на разные уловки, постарается вызвать бунт, чтобы расправиться с рабочими. Дело дошло до того, что сам губернатор обращался к рабочим, приказывал прекратить «безобразия», угрожал. Но рабочих это не испугало. Тогда решили солдат пригнать. Помню, уже темнело, когда солдаты появились. Они шли по Большой улице с барабанным боем. Рабочие молча пропустили их в ворота. Пришлось стачку прекратить. Это было 24 февраля 1903 года. Начались аресты и избиения рабочих. Ходить по улицам или стоять группами не разрешали. Ходили в одиночку. Если собиралась группа в 2—3 человека, то солдаты разгоняли, избивали.

А потом большевики у нас для борьбы со штрейкбрехерами «тройки» и «пятки» из сознательных рабочих создали. Они по ночам около завода дежурили.

«Александр» тоже в «тройках» был. «Александр» или «Лукич» — это партийные клички Александра Лукича Борчанинова. Он был студентом землемерного училища, в студенческих кружках участвовал, а в 1903 году стал членом Пермского комитета большевиков. Сильно его рабочие любили.

Подошел пятый год. К тому времени у нас много большевиков арестовали, особенно в конце 1903 года. На воле остались меньшевики. Помню, листовки выходили, подписаны одинаково — «Пермский Комитет», а содержание разное. Рабочие не знали сначала, какой верить. Те большевики, которые спасались от ареста, стали рабочим правду разъяснять.

Когда узнали о событиях 9 января, стали собирать рабочих и рассказывать им, как в Питере царь накормил народ пулей-свинцом. До этого многие рабочие не проявляли себя. А тут события всколыхнули их. Завод, буквально, бурлил.

В апреле 1905 года стали готовиться к демонстрации 1 мая. Было несколько маевок в лесу. Я ходил пикетчиком, дорогу на митинг показывал. Стоит у перелеска человек с перевязанной рукой или веточку держит, или еще что. Рабочий, который на митинг идет, пароль знает. Пикетчик пропускает и показывает дорогу дальше. Не раз полиция накрывала пикетчиков. Первый пикетчик заметит и предупредит остальных трех, а там уж на митинг сообщают. Часто мы стреляли в воздух, полиция за нами — так и отводили ее от митинга.

14 мая 1905 года демонстрация большая была в Мотовилихе. В доме паромовика Мешкова должен был съезд учите-

лей состояться. К 12 часам народ подошел, а полицейские оцепили дом.

— Не приказано впускать!

Толпа напирает, волнуется. Полицейские стали разгонять ее. Решили идти к губернатору. Песню революционную запели.

— Долой самодержавие! Долой полицию!— кричат. Губернатор не вышел, сколько ни кричали,— испугался. Пожарную машину вывести приказал, чтобы разогнать собравшихся.

Но Пермский комитет большевиков решил поднять мотовилихинцев и провести демонстрацию вечером. Помню, прибежал рабочий Туркин в Мотовилиху, сообщил кой-кому об этом, а мне дружок и говорит:

— Надо всех на митинг собрать.

Я по домам побежал. После гудка рабочие по 20—30 человек двинулись в город, в сад. Настроение у всех бодрое. Обыватели глазели на нас: чего это они прищли? Когда собралось много народу, кто-то ради шутки попросил завести на граммофоне «Боже, царя храни!». Это на митинге-то, который против царя! Рабочие разбили граммофон и грянули «Марсельезу». Первый раз пели революционные песни открыто. Песня была лучшим агитатором, она спланивала рабочих, звала на борьбу за свободу. Распространение песни считалось партийной задачей.

Митинг начался. Выступил Александр Борчанинов. Кто-то сказал, что на площади еще народ собрался. Решили соединиться и пойти по улицам. Не помню кто вынул из-под тужурки красный платок, к зонтику его привязал — вот и Красное знамя. Полиция закрыла садовые ворота. Мы в другую сторону, запасный выход тоже закрыт. Кто через забор попрыгал, кто в сломанные ворота прошел. Нас полиция конная встречает. Одного полицейского стащили с коня, а другие сами догадались — уехали.

В цирке много наших рабочих было. Когда они пение услышали, вышли все на улицу, представление прекратилось. Все вместе пошли дальше. Полиция опять приехала. Сопровождала нас сзади на лошадях, а что делать — не знала. Пришли к дому губернатора. Он не вышел. Стекла камнями у него побили. Демонстрация пошла к театру. Там вензель государя-императора стоял — день коронации Николая II был. Вензель и флаги разноцветные порвали.

Борчанинов с балкона театра закрыл митинг. Уже темно было. Мы стали расходиться. А когда почти все разошлись, солдаты приехали. На другой день арестовали Борчанинова, Туркина и других — человек 30 большевиков. Говорят, Трепов писал губернатору: «Не объяснять надо было, а разгонять».

Когда мы узнали об аресте товарищей, то в знак протеста решили бастовать. Мотовилихинский комитет большевиков созвал наиболее верных людей на массовку в лесу между Пермью и Мотовилихой. Рабочие нас поддержали. Стали обсуждать, кто машины остановит, кто тревожный гудок подаст. Мне поручили убеждать рабочих, чтобы они с завода ушли, бастовали. Я уже в партии в это время состоял. На маевке разработали и требования: освободить арестованных, восьмичасовой рабочий день, уволить Назарова и др. Всего 21 требование. Призывали бастовать 25 мая. Большевики в листовках писали, что эта борьба только за временные улучшения, что нужно бороться за свержение царя и всего строя.

23 мая арестованных освободили. А 25 мая рабочие к работе не приступили. Прибежал горный начальник:

— В чем дело?

Ему рабочий один вежливо листовочку с требованиями преподносит. Он понял, что ничего с нами не поделаешь, решил рассмотреть требования. Он разрешил собрать смешанную комиссию из рабочих и администрации поровну, чтобы решать вопросы об увольнении и т. д. Выбрали мы первых делегатов. Часть требований удовлетворили тогда, но не все. Восьмичасового рабочего дня так и не добились.

Записала Г. Мельникова, в г. Молотове, летом 1952 года, от И. И. Башкова, 1887 года рождения, члена КПСС с 1905 года, персонального пенсионера.

Все равно победим

Мотовилиха бастовала в 1905 году девять раз. Первые забастовки были «за пятачок», т. е. экономические.

Майской забастовкой мы добились того, что нам разрешили выбирать старост от каждого цеха. Меня выбрали от цеха № 3.

Совет старост не разрешал администрации обманывать рабочих. Чуть что — соберемся и идем к горному начальнику с требованиями. Все конфликты разбирал совет старост.

10 июля все принарядились, с женами и детьми пошли на митинг. Открыл митинг слесарь-большевик Корякин. От ЦК большевиков выступил Быков.

Решили стачку продолжать, выработали 23 требования.

Вдруг в толпе шум начался: казаки едут.

Митинг продолжается, а казаки уж близко подъезжают, в обход горы поехали. Помощник пристава зычным голосом кричит:

— Расходись!

А никто и внимания на него не обращает, слушают депутатов. Ротмистр махнул рукой в белой перчатке, казаки бросились на нас, разгонять стали, били нагайками, стреляли сначала одиночными выстрелами, а потом и залпами, били тупым концом шашек. Побежали кто куда, врассыпную. Лука, отец Александра Борчанинова, кричит:

— Что вы, изверги, делаете? Бандиты!

Казак размахнулся и снес ему полголовы. Лука упал, смотрим, а у него мозг вывалился на землю. Тут рабочие подбежали, полицейских оттолкнули, сами на носилки его положили, понесли. А по дороге полицейские набросились. Рабочих, которые несли труп Луки, арестовали и избили. Только на другой день родные тело Луки получили.

Полиция боялась, как бы на похоронах митинга не было, все оттягивала их, назначала ложные сроки. Похоронить разрешили рано утром. Но мы дежурили около дома. Успели рабочих предупредить. Захватили знамена траурные. Много народу собралось на похороны.

На смерть Луки Борчанинова стихи ходили среди рабочих. Теперь только немного помню, а тогда их все рабочие знали:

Но близок уж час, мы за все отомстим,
Оружье себе мы достанем.
Погибнет злодей, все опричники с ним,
Свободны, счастливы мы станем.

Кто написал эти стихи — не знаю. Только каждый рабочий знал их. Это вроде клятвы у нас было. Ага! Начало вспомнил:

Сошлись рассудить мы о праве своем,
Орда казаков налетела,
Послышался залпа ружейного гром,
И в воздухе плеть засвистела.

А, может, и разные это стихи, только оба о Луке Борчанинове.

Пермский комитет РСДРП призывал продолжать забастовку, и мы продолжали ее до 21 июля. Сами тайно стали готовить оружие, поняли, что без вооруженной борьбы получим только пули да нагайки.

Из «троек» и «пятков» создали боевые дружины. В лесу нас обучали стрельбе и тактике.

Чтобы разрядить революционную атмосферу в Мотовилихе, Стрельман объявил локаут. Но мы не унывали. Многие поехали на другие заводы, стали там рабочих поднимать. Видит начальство, дело плохо: если все заводы поднимутся — казаков нехватит. Отменили локаут.

Манифест 17 октября мы получили раньше, чем губернатор, — 18 октября. Собрались у театра, потом у кафедрального собора. Выступали меньшевики, разные там эсеры. Они проли-

вали слезу умиления: вот, де, мол, царь какой добрый — сам конституцию дал для народа. Хотели они телеграмму благодарственную послать, да большевики помешали. Наши депутаты говорили, что это временная уступка, разъясняли смысл манифеста: по нему, мол, свободу могут получить только мертвые!

Тут такой курьез был. Во время обсуждения манифеста ассенизаторы проехали, бочки у них пустые громыхали, а публика, напуганная разгоном на Вышке, думала — стреляют. Тут и поднялась паника! На площади не только рабочие были, а и городские обыватели. Они-то и испугались, побежали.

19 октября рабочие пошли к губернатору, потребовали, чтобы он арестованных освободил. На улице дождь был, грязь. Рабочие ввалились в дом губернатора. Тут женщины-большевички шинель на него накинули, даже шапку и галоши не дали надеть, подхватили под руки и повели. А над ним лозунг несут: «Долой самодержавие!» Заставили его наших людей освободить. На руках товарищей из тюрьмы вынесли, у многих слезы на глазах были.

Черносотенцы зашевелились. Слухи пошли, что они готовят нападение на Мотовилиху. Под видом еврейских погромов они на большевиков нападали, грабили. Для защиты населения от погромов мы, по предложению Якова Михайловича Свердлова, создали боевые дружины.

В литейных цехах отливали бомбы, в холодных ковали шашки, ножи, даже трости, почти открыто вооружались, покупали в магазинах оружие.

Дружины разбивались на «десятки», в «десяток» могли входить до 15 человек. Комитет назначил руководителей «десятков». Не давали мы черносотенцам срывать митинги, порядок навели.

Ночами иногда дежурили, ждали черносотенцев. Но так ни разу они на Мотовилиху не напали: боялись рабочих. Тут, в ноябре, кажется, забастовка на почте и телеграфе была. Служащие присоединились ко всероссийской забастовке служащих почт и телеграфов. Требования они свои выработали. Выбрали комитет, который руководил забастовкой. Губернатор телеграмму не мог отправить. Он тогда решил комитет арестовать, а наш Совет предупредил губернатора: если, мол, не освободите их, все рабочие в Мотовилихе поднимутся — это десять тысяч-то! Вот какая сила у Совета уже была!

Большевики твердо вели линию на вооруженное восстание. Много нам пришлось в это время с меньшевиками бороться. Они говорили, что нужно создать Учредительное собрание, и оно без крови облегчит жизнь народа.

Трапезников и его друзья на митингах вопили: революцией,

мол, большего, чем манифестом, не завоеешь. Были, конечно, рабочие, которые верили им, но таких мало было.

7 декабря мы узнали о политической забастовке в Москве.

С 10 декабря и мы начали разоружать полицию и стражников. Они стали прятать револьверы, ходили с пустыми кобурами. Потом и на улицы полиция боялась показываться, как вымерла.

Днем 11 декабря после митинга пошли к волостному правлению, на площадь. Тут были не только рабочие, но и домовладельцы, обыватели. Сход решил устранить полицию, потому что она все равно ничего не делала. Большевики предложили для охраны порядка рабочую милицию. Выбрали комиссию, чтобы установить правила, жалованье и т. д. Теперь уже дружинники могли свободно ходить с оружием по улицам. Чтобы не было погромов, хулиганства, Совет закрыл винные лавки. Но для восстания мало было оружия.

11 декабря ко мне подошел Борчанинов:

— Возьми десяток дружинников и отправляйся на склад Нобиля, там, говорят, револьверы есть.

На другой день рано утром мы пошли на керосиновый склад. Входим в канцелярию, телефонные провода заранее перерезали, на улице оставили дежурных.

— К вам явились представители Совета рабочих Мотовилихи. Нам нужно оружие, — сказал я служащему.

Он смутился сначала, а потом возмущаться стал:

— Никакого оружия у нас нет.

Я говорю:

— Придется обыск сделать.

Только открыл ящик, а там револьвер лежит. 19 револьверов с обоймами отобрали. По пути зашли к рабочим склада, стали разговаривать с ними, убедили их идти на митинг. Они пошли. В пятом цехе завода в 12 часов дня в это время митинг шел. Меньшевики, как всегда, пели свою песню, но их мало кто слушал. Большевики объявили, что в Москве уже идут вооруженные бои на Пресне, и призывали к восстанию. В заводе рабочие были уже хозяевами. Совет выделил уполномоченных. Даже по телефону начальник завода мог звонить только с разрешения нашего уполномоченного.

Надо было прекратить движение на железной дороге. Железнодорожники тоже бастовали, поэтому все поезда сопровождали жандармы. Узнали мы, что приходит пассажирский поезд из Перми. Прямо с митинга рабочие пошли на станцию. Много народу было, наверное, тысячи две. Стали рельсы разбирать. Поезд остановили, а машиниста увели на митинг. Через полчаса прискакали по полотну железной дороги казаки. А оружия у нас еще мало было — разогнали они нас!

Вечером мы собрались. Борчанинов говорит:

— Завтра нужно крепко встретить казаков. Давайте, установим, кто где в засаде будет.

Выбрали семь пунктов, где должны быть засады, «десятки» установили. Помимо револьверов принесли дробовики, они были заряжены пулями.

Рано утром мы расставили «десятки» по засадам. Борчанинов подходит ко мне и говорит:

— Слишком кучно собрались. Давай, Зенков, иди к старому театру.

Часов с восьми рабочие пошли в завод на митинг. Мы сидим, ждем казаков. Около часу дня слышим первые выстрелы. Тут один молодой паренек прибегает и говорит:

— Я карабины нашел, в старом театре лежат.

Бежим за карабинами, слышим, зовут нас. Ну, думаю, наконец-то началось! Из-за волостного правления высыпал первый десяток казаков. Мы их залпом ошеломили. Стреляли без перерыва: одни стреляют, а другие в это время заряжают. Казаки скрылись за дом, а потом налетели на нас. Мы еще несколько залпов дали. Гляжу, падают с лошадей казаки, убегают. Третий раз мы их также в бегство обратили. Дружинники смеются:

— Видно, невкусная рабочая-то пуля, больно горяча!

Вдруг прибегает рабочий к нам:

— Вас казаки объезжают, с тыла взять хотят.

Мы за пруд пошли. Казаки объехали нас и с горы стрелять начали. Мы долго отстреливались, но их больше было — пришлось отступить. Они нас даже преследовать не стали — боялись, видно!

Мало нас все-таки, дружинников, было, а губернатор направил пятую роту солдат, сотню казаков против нас, и вооружены они были лучше, чем мы.

Восстание наше подавили. Начались аресты. Я был в гостях у брата вечером 6 января. Пельмени приготовили, а попробовать не пришлось: пришла полиция и увезла меня на квартиру. Там обыск сделали. Посадили меня в правление — каталажка уже полная была.

В тюрьме я о смерти Якова Кузнецова услышал. Ему дали явку в другой город. Он взял извозчика, но его узнали. Выскочил Яков и побежал в город. Успел выстрелить в помощника пристава, но пуля ударилась о медную пуговицу и отлетела. Солдаты зверски убили его, даже штыки в тело воткнули.

В тюрьме много мотовилихинских рабочих сидело. Нам предъявили статью, которая грозила смертной казнью через повешение. В первые дни камеры были открыты, и мы пели

песни. Но реакция усиливалась. После разгона Думы камеры закрыли, песни петь запретили. За неподчинение ставили на ночь в камере парашу. Я вскоре овладел стенной азбукой и стал «телефонистом». Каменная стена была в аршин толщиной. Мы тайком достали проволоку и попеременно сверлили стену из камеры восьмой в седьмую. С месяц провозились. Через отверстие передавали свернутые трубочкой газеты. Их фельдшер тайно приносил — он сочувствовал нам, большевикам.

Тюремная пища становилась все хуже и хуже: давали конское мясо, прямо с шерстью его варили, корку хлеба с палец толщиной, а в середине — почти сырое тесто. Но мы не унывали. Сделали шахматы, бабки, петрушку. У нас сидел чувоской машинист — веселый, живой человек — настоящий артист. Он все кукольный театр устраивал. Игры, театр чередовались с лекциями о развитии революционного движения в России и в Европе, о французской революции и ее ошибках.

Передачу кто получит — все в общий котел, а потом делили поровну.

Через фельдшера добились, чтобы нас положили в больницу — от голодовки ослабели. В больнице я встретил Якова Михайловича Свердлова. Он находился отдельно в больничной камере, а на прогулку выводили нас всех вместе. Яков Михайлович интересовался всеми новичками, расспрашивал, что делается на воле. Увидел меня, подошел.

— Откуда? — спрашивает.

— Из Мотовилихи!

— Боевик?

Я ему рассказал о наших стычках с полицией. Но на прогулке долго разговаривать не разрешали: надо было ходить или играть в мячик. «Михалыч» был в черной рубашке, фуражке — «8 листов, одна заклейка», широкий ремень, в очках. Такой живой и такой отзывчивый! Он говорил нам:

— Не падайте духом, все равно победим!

Записала Г. Мельникова, в Мотовилихе, летом 1952 года, от И. В. Зенкова, 1880 года рождения, члена КПСС с 1904 года, персонального пенсионера.

Как мы добивались прибавки

Это еще в 1907 году было. Семья моя впроголодь жила. Ну, я и решил пойти на заработки. Отец разрешил:

— Давай, парень, иди, одним ртом будет меньше, легче будет здесь нам прожить.

Поехал работать в Кудельку (так Асбест тогда называли). Приехал к Поклевскому прииску и поступил в забой. Техники

никакой не было. Жили в бараках и землянках. Платили нам мало. Ну, и пошли брожения и забастовки у нас по приискам. Хотя такой сознательности у приисковых рабочих не было, как у заводских, но тоже бастовали.

Помню, дело было перед получкой, в субботу. Неделю мы как волю работали, а получать-то нечего. Вот рабочий Лескин и говорит:

— Давайте, ребята, прибавки добиваться.

— Давайте! — кричат ребята.

А много рабочих на Поклевский прииск собиралось, тысячи. Пришли к конторе. У Лескина уже помощники появились. Решили идти к управляющему. Делегацию назначили, а Лескину с управляющим о прибавке говорить поручили. Пришла делегация к дому управляющего, кричит:

— Выходи!

А он и головы не показал. Заволновалась делегация. А Лескин успокаивает. Он сам на веранду пошел и предъявил управляющему наши требования: пять копеек прибавить в забое, на погрузке — 10 копеек, на отбойке — 5 копеек. Управляющий посмотрел:

— Ну, хорошо, иди в контору, я сейчас приду, — говорит.

А все шумят:

— Прибавки давайте!

Лескин нам рукой машет: смолкните, мол. Ну, мы ждем. Уж темнеть стало. Смотрим, стража на нас гонит:

— Расходись!

Плетями бить толпу начали. Паника поднялась, бросились бежать кто куда. Потом опять в группы собираться начали.

Некоторые говорят:

— Ну как, прибавили?

— Мне, — говорит один, — прибавили нагайкой.

— И мне тоже!

А Лескин, когда начали собираться, удерживает народ, не дает расходиться:

— Не отступим от своего! Идите все по казармам. Всех ребят поднимайте!

Разослал кого куда. Договорились так: предупредить, чтоб завтра ни одному человеку в забой не спускаться. Пошли по своим местам. Я в казарме жил. Когда я пришел в казарму, смотрю — там группа собралась большая. О прибавке все говорят. Со мной рядом спал старый актер. Ему лет 40 было, высокий, сухощавый, видно, что больной. Актер и обращается к нам:

— Добиваться своего надо. Что они запугивают нас стражей-то!

Некоторые другое тянут:

— Ведь кой-кому сегодня уже прибавили! Чего же еще!

Но большинство на своем стоит:

— Надо добиваться!

На другой день мы небольшими группами к забоям пошли — не даем рабочим спускаться. Часов в семь утра десятники пришли.

— Ну что? — спрашивают. — Почему в забой не спускаетесь?

А со всех сторон кричат:

— Приба-а-а-вки!

Собралось человек с тысячу. Коногоны приехали. Старший десятник посылает одного коногона с запиской к управляющему. Ждем, пока коногон вернется. Через полчаса смотрим — везут управляющего. Он десятников собрал и беседует с ними. Потом управляющий читать стал решение: «Забойщикам прибавить пять копеек, на погрузку вагонеток — 10 копеек, на обойки — 5 копеек».

Добились все-таки прибавки. Но жили так же плохо. Когда я ехал сюда, думал, рублей сто заработаю, домой привезу. А ничего не привез. Только жизнь рабочих узнал и сознательней стал. Понял, что в коллективе легче бороться.

*Записали Н. Репин, Н. Богуславская,
Г. Мельникова и С. Сафиулин, в г. Свердловске,
25 октября 1952 года, от Е. С. Печенкина,
1891 года рождения, сторожа пионерлагеря
Стройуправления Химмаша.*

В годы реакции

Я родился в 1890 году. В то время Екатеринбург был уездным городком Пермской губернии, с одной только мощной улицей. Здесь находился машиностроительный завод Ятес. Он обслуживал все мельницы, рудники, изготовлял для них механизмы. Чтобы мне поступить туда, отцу пришлось кланяться хозяину в ноги. После долгих уговоров он согласился принять меня с окладом 15 копеек в день. Все рабочие начинали с гривенника или с 15 копеек. Только через год или через два зарабатывали до 30—40 копеек. 60 копеек получали лишь высококвалифицированные рабочие. Некоторые родители для того, чтобы устроить на завод сыновей, просили хозяина:

— Фома Егорыч, отец родной, прими моего сына работать. Он тебе целый год будет бесплатно работать.

Тот поломается, поломается и устроит.

Ученикам трудно приходилось. Они больше на побегушках у мастера были. Мастер, бывало, прикажет ученику: «Купи

колбасы, водки, принеси еще гривенник сдачи», а сам денег не давал.

В обычае были и такие порядки, крестины новичка, например. Первое жалованье ученика шло на пропой рабочим, с которыми он работал. Со мной был такой случай. Этого обычая я еще не знал. Стоял в очереди у кассы за получкой, а меня спрашивают:

«Ну, как насчет крестин?»

Я этого вопроса не понял. Мне сзади подзатыльники дают и все спрашивают:

«Как с крестинами?»

Тут один паренек мне все разъяснил. Пришлось повести рабочих в пивную и там пропить всю получку.

В пятом году на заводе Ятес была создана партийная организация социал-демократов, которая играла большую роль в революционном движении Екатеринбурга. И это не случайно. На заводе Ятес вел работу Я. М. Свердлов.

В октябрьские дни 1905 года прошла большая политическая забастовка. Бастовали рабочие Ятес и в 1908 году, когда состоялся суд над депутатами большевистской фракции Государственной Думы. На другой день после забастовки начались репрессии. 12 человек, которые наиболее активно принимали участие в организации этой забастовки, были уволены с завода и занесены в «черные списки».

В их число попал и я. После нас никуда не принимали. Пришлось наниматься на временную работу. Тяжелые это годы были! Многие екатеринбургские революционеры находились в тюрьмах, в ссылке, на каторге, а партийные организации были разгромлены. Но в Екатеринбурге продолжала существовать подпольная большевистская организация. Она вела пропаганду и агитацию среди екатеринбургских рабочих и кустарей, распространяла среди них прокламации, политическую литературу, организовывала политические кружки. Большую пропагандистскую работу вел товарищ Вайнер на конспиративных квартирах. Часто такой квартирой служила зимой простая баня на Верх-Исетском заводе, а летом собирались в окрестных лесах или на лодках как на Верх-Исетском, так и на городском пруду. В условленное время партийные работники часто встречались на городской плотине и передавали друг другу различного рода директивы, сообщали новости. Имелось и специальное паспортное бюро партийной организации. Оно обслуживало, главным образом, товарищей, бежавших из ссылки.

Екатеринбург был транзитным пунктом. Через него из Сибири бежали многие подпольщики, их нужно было обеспечить паспортами. Проводились и большие собрания с участием

иногда нескольких сотен людей. Но при этом принимались исключительные меры предосторожности и конспирации. Прежде всего, организаторы собрания подыскивали место где-нибудь в лесу, часто километров за 50 от Екатеринбурга. Найдя место, подбирали наиболее ответственных и надежных товарищей и расставляли их по дорогам к месту собрания. Эти патрули имели какой-нибудь отличительный знак: держали ветку дерева в руках, несли букеты цветов. Идущие на собрание говорили патрульным пароль, и те указывали им место собрания.

Так екатеринбургские большевики вели работу в годы реакции.

Записали А. Еремеев и Е. Соколова, в октябре 1951 года в г. Свердловске, от Давыдова Н. М., 1890 года рождения, служащего, члена КПСС с 1906 года.

Антон Валек в Надеждинске

Революционная деятельность Антона Валека началась еще на его родине, в Харькове, когда ему было 16 лет. Харьковчане много интересного про Антона рассказывали. Один рабочий вспоминал такой случай. Нужно было расклеить прокламации. Антон в руках сумку держит и клеит. Подходит жандарм.

— Ты что, — говорит, — парень, делаешь?!

— Вот у нас комната сдается, так я объявления клею, — отвечает Антон. Жандарм подслеповатым был и читал довольно долго.

— Э, брат, вон у тебя какая квартира! — закричал он, но Антона уже и след простыл.

За участие в большевистских организациях и подпольную деятельность Антона в 1901 году сослали в Вологодскую губернию. Но он бежал оттуда. Вернулся в Харьков. Его выследили в конспиративной квартире и снова арестовали. На этот раз его сослали в Тару, в 300 километрах от железной дороги, на 5 лет. Оттуда он тоже совершил побег. Но приехал уже не в Харьков, а на Урал. Партийная организация направила его в Надеждинский завод.

Надеждинский завод был одним из крупных заводов Урала. Он отличался довольно высокой техникой, по сравнению со старыми демидовскими и строгановскими заводами. Да и по величине таких крупных заводов на Урале было мало. Слухи о новом заводе разнеслись далеко за пределы Урала. И сюда на заработки приезжали рабочие со всех сторон России. А условия работы были просто ужасными. Завод был окружен лесом, а рабочим негде было жить. Они ютились в

длинном бараке, как сельди в бочке. Даже перегородок не было. Семьи отделялись одеялами, простынями.

Увечий на работе много было, а врачебной помощи никакой. Придет, бывало, больной рабочий к врачу Шокореву, а он ткнет ему в спину и говорит:

— Ну, какой ты больной? Получай касторку и уходи!

Рабочие по 3—4 месяца не получали заработной платы. Вместо денег выдавались картонки: красненькие — 1 рубль, синенькие — 3 рубля, желтенькие — 5 рублей. На эти картонки можно было покупать продукты только в заводских лавках, а там продавали одну гниль. На базаре эти «деньги» не брали. Рабочие вынуждены были идти в магазин купца и продавать картонки за 30—50% их стоимости. И без того низкая заработная плата снижалась иногда более чем в два раза. Понятно, что рабочая масса кипела ненавистью к заводладельцу и к управляющему. В таких условиях и вести революционную пропаганду среди рабочих было легко.

В 1906 году Антон организовал в Надеждинском заводе кружок, устраивал митинги, доклады, проводил большевистские лозунги. Под руководством Антона прошло несколько выступлений надеждинских рабочих.

Глубокой осенью 1907 года о делах нашего завода узнал пермский губернатор и для усмирения надеждинских рабочих послал солдат. Конные ингуши с гиканьем гарцевали по улицам. Не одна сотня рабочих пострадала от их нагаек. Ингуши всюду были: и во внешней охране, и внутри, в цехах. Рабочим запретили разговаривать между собой. Как увидят ингуши группу рабочих, бегут с нагайкой, кричат: «Нелза!».

Недовольство рабочих все росло. В августе месяце на завод приехал анархист Лбов со своей братией. 16 августа, в 3 часа дня, лбовцы убили управляющего завода Прохова. Партийная организация и Антон Валек не принимали участия в этом провокационном террористическом акте.

После убийства Прохова рабочим объявили локаут. Десять тысяч рабочих уволили с завода. На всех сознательных рабочих составили списки и разослали по всем заводам Урала, чтобы этих людей не принимали на работу. Начались страшные аресты. Многих рабочих заключили в Николаевские роты и зверски истязали их. Так, например, после зверских избиений рабочие Тихомировы (отец и сын) лишились ног. Оставаться в таких условиях Антону нельзя было, и он временно покинул Урал.

Записали А. Моргачева и В. Хорват-Лукач, в октябре 1951 года, в г. Свердловске, от Валек Р. И., 1889 года рождения, члена КПСС с 1919 года.

В ученье

Я в Надеждинск еще маленьким приехал, в 1912 году. Семья у нас большая была, десять человек одних детей, а работал только отец. Он поступил в листопрокатный цех. Как только старший брат Петр закончил три класса, отец его тоже устроил туда. Работать приходилось ему 12 часов в день, а условия труда были тяжелые. Цех открыт со всех сторон, всюду сквозняки, никакой охраны труда. Петр проработал всего три года, простудился, заболел туберкулезом и умер.

Мучились, а отец все мечтал образование дать мне и брату Федору. Когда и мы три класса окончили, он хотел нас в прогимназию устроить. Написал заявление и пошел. А ему там сказали, что, мол, вашего брата не принимаем. Тут, мол, только дети служащих и купцов учатся. Отец видит — ничего не получается, решил на работу нас устроить. Я пошел работать к купцу Сафонову на конфетную фабрику. Зарплаты он никакой мне не установил.

— Два года буду тебя кормить и все! — говорит.

Работать приходилось с раннего утра и до позднего вечера. Стал я отца просить, чтобы устроил меня на завод. А лет мне еще тогда мало было. Отец уряднику взятку дал, и он справку написал, будто мне 15 лет.

Приняли меня работать в ремонтно-механический цех к токарю Киселеву. Он меня первые семь месяцев к станку не допускал — не доверял мне. Заставлял станок чистить, бегать за завтраком. А мастер Головин (он, скотина, в годы революции сбежал отсюда) вместо того, чтобы учить меня, за водкой посылал. Сбегаешь раз, принесешь — мало. Еще раз бежишь. Так смену только и бегаешь за водкой. Мне всего тогда 13 лет было, а работал я с 6 часов утра до 6 часов вечера. Отец к этому времени умер, и я всю семью кормил. Я и в воскресные дни часов по двенадцати работал.

Года полтора я простоял учеником токаря. Прошу мастера:

— Поставь к станку.

А он мне и говорит:

— Купи подарок, тогда и поставлю.

Хоть нищенствовали, а подарок купить пришлось. С этого у меня и началась самостоятельная трудовая жизнь. Лучше стало, но не намного. Я выполнял ту же работу, что и старые рабочие, а получал в два раза меньше, чем они. Когда я жаловался, мастер мне говорил:

— Что ты на других указываешь. Они женатые, а ты мальчишка-сопляк. Хватит тебе и десять копеек в день.

В воскресные дни мастер заставлял ходить к нему на квартиру — колоть и пилить дрова. Ходили — боялись, что уволит.

Было и так: отработает мастер, а тебя еще на три-четыре часа оставит.

Сверхурочную работу не оплачивал. Пожалуешься, еще и оштрафуют на 50 копеек или на рубль.

Вот как жили. Вспоминать страшно.

Записали Е. Соколова, Н. Богуславская, Н. Репин, А. Еремеев, летом 1952 года, в г. Серове, от П. В. Якунчикова, 1902 года рождения, технолога механического цеха завода имени Серова.

Большевик Кутасов

Во время Февральской революции в Нязепетровске заговорили о свободе. Сразу попряталась полиция. Начались митинги, собрания, демонстрации. Вскоре стали прибывать домой солдаты и, особенно, из тыловых частей, из госпиталей, а некоторые даже из фронтовых и прифронтовых воинских соединений.

На митингах и собраниях выступало много ораторов из Екатеринбурга. Шла подготовка к Учредительному собранию.

Рабочие особенно любили выступления начальника депо станции «Нязепетровская» Ивана Кутасова, который всегда выставлял большевистский лозунг о немедленном прекращении войны. Когда на одном из собраний зашла речь о том, за какой список голосовать в Учредительное собрание, котельщик депо Лямкин сказал: «Нам надо голосовать за большевистский список. К партии большевиков принадлежат лучшие люди, в том числе и Иван Кутасов».

Этого было достаточно, чтобы большевистский список стал исключительно популярным среди рабочих-нязепетровцев.

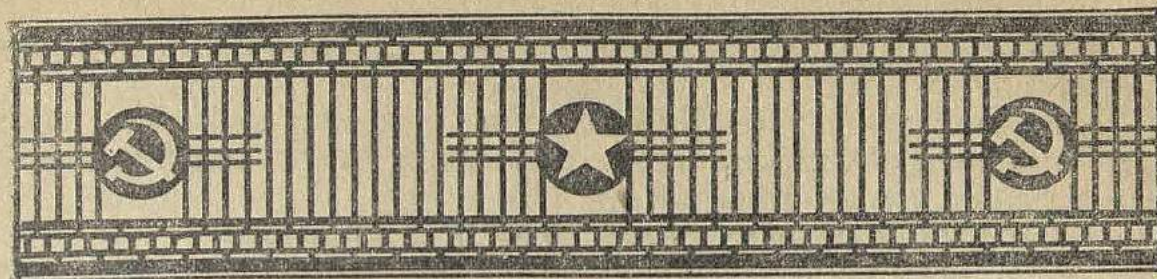
В начале гражданской войны товарищ Кутасов был схвачен казачьим разъездом и замучен колчаковцами в Пермской тюрьме.

О его смерти я узнал уже позже, из газеты «Правда» в номере от 7 ноября 1921 года.

Записал В. Кукшанов, летом 1950 года, в г. Серове, от Мухаркина Д. П., 1898 года рождения.

В ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

За большевиками шли

Я родился в городе Надеждинске. Мои родители жили до этого в Кутиме. Там завод был — французы владели им. С рабочих французы драли семь шкур. Поэтому, изведав, что такое иностранные хозяева, рабочие уходили куда глаза глядят. Ушел и мой отец. Приехал он в Надеждинск и горновым на завод устроился.

Когда началась первая империалистическая война, отца мобилизовали в армию, а он был единственным работником в нашей семье. Пришлось мне с братом на завод пойти. Таскали сажу, мусор за 25 копеек в день.

Прошло немного времени, и меня учеником слесаря в цех перевели. Перед революцией в цехе нашем оживление началось. Говорили о правах, свободе, равенстве. Были в цехе большевики Золотин и Биркутов. Соберут они вокруг себя рабочих и читают «Правду». Меня всегда ставили в дверях караулить. Увижу, кто-нибудь идет — знак даю. Все рабочие вмиг по своим местам разбегаются. Придет мастер, посмотрит — вид у рабочих чрезвычайно занятый, ну, и уйдет довольный.

Таких людей, как Золотин и Биркутов, никогда не забудешь. Они свою жизнь за рабочих отдавали и всегда правду о жизни говорили. И мы за это уважали и любили их. За такими людьми мы и шли во время революции и гражданской войны. Золотин погиб во время революции, а Биркутова бело-

гвардейцы расстреляли. Даже его отца не оставили в покое — замучили.

Жили мы тогда на Клубной улице, а семья Биркутова — по соседству. Однажды пришли в город белогвардейцы, мать моя бежит к отцу Биркутова:

— Пришли белогвардейцы, беги или спрячься!

— Я ведь не коммунист, чего мне прятаться, — отвечает старик.

Не прошло и 30 минут, пришли два белогвардейца и старика арестовали. Вскоре я узнал, что его долго секли и расстреляли.

В то время многие погибли. Белогвардейцы расстреливали по малейшему подозрению. Старика Бершакова расстреляли за то, что его сын ушел добровольцем в Красную Армию.

Ненавидел народ это зверье. Как мог, сопротивлялся. У меня друг был Павел, одноклассник со мной. Отчаянный парень! У него белогвардейцы оружие нашли и арестовали. Ведет белогвардеец Павла, а он его по дороге ударом с ног сшиб и убил. Винтовку белогвардейца забрал и в лес скрылся. Там их несколько человек собралось. Они организовали партизанский отряд. Много они белогвардейцев уничтожили.

Записали Н. Репин и А. Еремеев, в г. Серове, летом 1952 года, от Яруллы Насыбулина, механика доменного цеха, 1901 года рождения, члена КПСС.

Зверства бандитов

Однажды в июне 1918 года отряд белоказаков погнал через Тургойак группу людей, человек сорок. Это были карабашские рабочие, арестованные белогвардейцами. Дорога была дальняя, пыль, невыносимая жара. Люди измучились до крайности.

На площади у волости арестованных остановили. Люди повалились на землю, как только услышали команду: «Привал!» Казачий офицер ткнул пальцем в сторону арестованных и отдал распоряжение:

— Арестованных охранять, разговоров с посторонними не допускать, никакой передачи им не разрешать.

Пришпорил коня и галопом поскакал в обратную сторону, к дому известного всему селу Мишки Шишкина, кровавого палача.

Не успел офицер отъехать на несколько сажен, как стали выходить бабы, боязливо оглядываясь по сторонам. Несли кто

что мог: молоко, квас, хлеб, старались поскорее передать измученным людям. Но казаки отгоняли их плетками.

Среди арестованных была одна женщина, жена шахтера Карабашского рудника, которого арестовали, как и многих, прямо на работе. Их сына, семнадцатилетнего паренька, тоже арестовали в ту же ночь на квартире. И вот мать не хотела расстаться с сыном и мужем и пошла с ними.

Многие рабочие были взяты прямо из шахт. Им еще в Карабаше сказали, что следовать будут в Миасс.

Это была уже третья группа рабочих, арестованных в Карабаше за две недели. Не прошло и часу, как из ворот дома Мишки Шишкина выехала качалка, запряженная парой сытых лошадей. На козлах сидел сам хозяин. В задке сидели, развалясь и покраснев, как вареные раки, соучастники его кровавых дел — Горелов Петр и Лепешков Марк.

Только за две недели до этого зверюги убили двенадцать тургоякских большевиков.

За качалкой из ворот выехал казачий офицер в сопровождении двух казаков и всем известный палач Жаров. Все были пьяные. Быстро проехали мимо арестованных, даже не взглянули в их сторону.

Вскоре подняли арестованных, которые не успели еще отдохнуть, и погнали по улице в сторону Миасса. Арестованных окружили со всех сторон конные казаки. За селом людей погнали быстрым шагом, а от Мишкиного ложка — бегом. Люди совсем обессилели. Казаки пускали в ход плети.

За Гореловой пашней дорога под прямым углом поворачивает в сторону озера Иссык-Куль. Дорогу сжимают с обеих сторон густые сосны. Улучив удобный момент, один из арестованных кинулся бежать в сторону болота, но не успел пробежать несколько сажен, как его настиг один из казаков и зарубил. Против этого места на правой стороне у самой дороги стоял большой барак. В нем жил сторож Лошенов. Этот сторож все и видел своими глазами.

После побега арестованного казаки совсем озверели, стали избивать рабочих, топтать лошадьми. Недалеко от барака, в пятидесяти саженях от дороги, среди сосен были шахты. Вот здесь пьяные палачи и чинили казнь над большевиками. Изрубленные шашками трупы сбрасывали в шахту.

За три недели июня 1918 года белоказацкие бандиты трижды на этом месте совершали казнь над карабашскими рабочими.

Красная Армия освободила село Тургояк 12 июля 1919 года. Первые три трупа членов боевой дружины (Михаил и Тимофей Самойловы и Щеглов) были обнаружены в шурфе около «Глинянской».

Тургоякских большевиков также нашли в шурфах у разрезов около г. Миасса. Через день или два из Карабаша приехали рабочие и достали трупы.

В одной шахте было 60 трупов, в другой — 36.

Потом еще сторож Лошенов рассказывал, что он видел, как монахини из женского монастыря шли с лампадками со стороны, где рабочих убивали. Они, оказывается, убитых раздевали, следы помогали скрывать.

Записала Г. Мельникова, в августе 1951 года в с. Тургояк, Миасского района, Челябинской области, от Лепешкова В. А., 1900 года рождения, пенсионера.

Как погиб Антон Валек

В конце ноября 1918 года Антон Валек был командирован на Восточный фронт, в Пермь. Я тоже поехала с ним.

В половине декабря вопрос об эвакуации Перми был решен. Обком РКП(б) подготовил группу проверенных коммунистов для работы в подполье у белых. Начальником группы был назначен Антон, в помощь ему дали семь человек. Началась спешная подготовительная работа. В план группы входило подготовить шрифт и все необходимое для будущих нелегальных типографий. В строго конспиративной работе прошло две недели. Ночью 24-го декабря Пермь была захвачена белыми. В задачу группы не входило оставаться в Перми, все должны были при первой возможности и как можно скорее перебраться в Екатеринбург и там развернуть работу большевистского подполья.

А пока работники группы были свидетелями зверских расправ белогвардейских палачей с коммунистами и активными советскими работниками, не успевшими эвакуироваться. Людей ловили и расстреливали прямо на улицах, по несколько дней не убирались трупы.

Антону удалось выехать из Перми в первых числах января с воинским поездом (другие поезда не шли) и благополучно достичь Екатеринбурга. Я долго ничего не знала о нем.

Чтобы выбраться из Перми, нужен был пропуск. Комендант нашего дома, друг Антона, выдал мне справку, что я действительно «Богданова Зинаида Петровна, жена коммерсанта». С этой справкой я получила пропуск.

Поезда шли без расписания, и мы ехали от Перми до Екатеринбурга около 4 дней. Дрова таскали на каждой остановке, но железные печурки давали больше дыма, чем тепла.

Поезд подолгу останавливался среди снежного поля. Казалось, нашей поездке не будет конца.

Наконец, за 25 километров до Екатеринбурга нам объявили, что из-за создавшейся «пробки» поезд дальше не пойдет. Пришлось добираться до города на подводе.

Муж мой жил на Малой Съезжей улице, № 14 (сейчас улица Антона Валека) у махровой белогвардейки. Жили мы довольно своеобразно: для хозяйки и соседей мы были «коммерсантами», промышленяющими мукой, сахаром и другими товарами. Чтобы оправдать свое «звание», Антон несколько раз приносил сахару, купленного на базаре, и предлагал хозяйке дома по цене, значительно ниже купленной.

Антон нашел подполье Екатеринбурга разгромленным. Многие партийные руководители сидели в тюрьмах. Ни одна имеющаяся у него явка не сохранилась. Нужно было отыскать отдельных коммунистов, чтобы собрать распыленные силы и приступить к организации подполья.

Под видом заказчика Антон обходил типографии и присматривался, искал нужных людей.

У тюрьмы Антон познакомился с родственниками политических заключенных, которые приносили передачу. Заключенные товарищи передали нужные адреса.

Для лучшей конспирации первичные партийные организации создавались в «пятерках». Каждая «пятерка» была изолирована и связана с комитетом через одного товарища. «Пятерки» создавались в типографиях, на мельницах, на заводах, в воинских частях, среди учащейся молодежи, среди кустарей.

Однажды вечером Антону удалось установить связь с одним товарищем и через него развернуть работу среди белых офицеров. Это была очень трудная, но нужная работа. Велика была наша радость, когда мы узнали, что 750 солдат и офицеров были арестованы, так как отказались уйти на фронт.

Так шла работа до начала марта.

Колчаковские агенты начали нащупывать нити нашей подпольной организации. Но они сами выдали себя. На одной конспиративной квартире появился агент контрразведки Софья Коробова. Она заявила, что связана с белыми офицерами и хочет сделать важные сообщения, но потребовала свидания с главным руководителем. Антон Валек установил за ней слежку и вскоре убедился, что Коробова связана с контрразведкой.

Сгущающаяся атмосфера заставила призадуматься о смене места жительства. «Засиделись мы здесь», — часто повторял Антон.

Но переехать из Екатеринбурга нам не удалось. В ночь на 30 марта Валек был арестован. Логинов, который был арестован раньше, оказался провокатором.

Среди ночи раздался протяжный звонок в парадном. Антон вскочил, накинув пальто, пошел к дверям. Вернулся в комнату и сказал мне шопотом: «Звонил Логинов, сообщил, что в Челябинске провал, просит выйти, расскажет подробнее. На всякий случай приготовь «спички» (коробочку со всеми самыми важными документами — мандатами, явками, отчетами). А дом в это время уже со всех сторон был окружен.

Антон не успел выйти, как раздался крик: — Стой, руки вверх! — и в комнату ввалилось несколько белогвардейцев с пистолетами в руках. Все перерыли, но не нашли ничего. Обыском руководил золотопогонник капитан Куржанский. Обтирая пот с лица, он сказал Антону: — Неважно, что ничего при обыске не обнаружено, но мы все знаем. Вы не Богданов, а Валек.

Окрик охранника заставил меня отойти от мужа.

У меня в руке «спички». Я обратилась к капитану Куржанскому с просьбой пойти «оправиться». В сопровождении конвоира с пашкой наголо я дошла до уборной и бросила туда коробочку.

На вопросительный взгляд мужа я кивком головы показала, что «спичек» больше нет.

Обыск кончился, но конвоиры не уходили. Уже под утро в комнату вломилась заместитель военного контроля Шуминский и комендант Верх-Исетска Ермохин, известные своими зверствами. С криком: «Оружие есть, деньги есть?» — они обратились к капитану Куржанскому. Он виновато развел руками: не обнаружено.

— Разложить обоих и пороть, пока не скажут, где все спрятано, — заорал Шуминский. Но избивать нас здесь не стали, для этого у них был свой застенок.

Вместе с Валеком по предательству Логинова арестовали товарищей: Авейде, Вальтер, Брайд и Лизу Коковину.

После допросов и избиений, всей группе — А. Валек, Авейде, Брод, Голубь Будзек, Вальтер, Коковиной — военно-полевой суд вынес смертный приговор, и всех перевели в «комнату смертников». Зверские пытки перенес Антон. Он был весь избит, руки черные, в кровоподтеках от 400 ударов плеткой с оловянным набалдашником. Били при каждом допросе. Затыкали рот, садились на голову и били.

О том, как их казнили, я узнала позднее. Пьяный каратель Ермохин хвастливо рассказывал надзирателям тюрьмы, что колчаковские офицеры подпоили карателей, и те с лошадей пашками рубили осужденных.

Желая доставить Антону еще больше страданий, палачи на его глазах зарубили всю группу большевиков-подпольщиков; последним зарубили его.

Записали В. Хорват и А. Маргачева, в октябре 1951 года, в г. Свердловске, от Валек Р. И., 1889 года рождения, члена КПСС с 1919 года.

Федя Горелов

Вам о Феде рассказать? Ко мне часто приходят из музея школьники. Отец Феде был штейгером. Уехал куда-то в разведку по золоту и не вернулся больше... Воспитывал Федю отчим Злоказов Иван Андреевич. Он работал на Миасском напильном заводе. Федя учился в сельской школе. Отчим любил его, как родного сына. Когда отчима взяли в армию, Федя пошел работать на завод.

У него много друзей было, книги они читали, часто собирались у нас, спорили о чем-то. Я не понимала ведь тогда, о чем они спорят. Когда война гражданская началась, Федя с отрядом рабочих прямо от станка на Златоуст пошел. У меня втушка хлеба была да несколько яиц. Связала все в узелок и побежала к Шадринскому мосту. Бегу, а сама думаю, вдруг не успею увидеть его. А они уже идут, много их было. Сунула ему узелок-то. Он положил на телегу рядом с пулеметом, стал прощаться со мной:

— Не плачь, мама, надо же советскую власть защищать. Мы в Златоуст идем, белогвардейцев усмирять.

Только я его и видела, а вскоре привезли его мертвого. Мне потом Федин брат двоюродный рассказывал.

Они всегда вместе были, оба пулеметчики. Пришлось им отступление отряда прикрывать. Федя до последней ленты из пулемета стрелял, а отряду в это время удалось уйти. Лента кончилась, его и схватили. Хотели у него узнать, куда отряд ушел, да разве он скажет? По дороге в Миасс Федю сильно били.

— Вы меня замучаете, а вас все равно уничтожат,— говорил он.

Там, где сейчас Челябинская ГЭС, его и повесили. Перед смертью Федя сказал:

— Мои слезы не зря льются, за них отомстят.

Когда его вешали, какая-то девушка заплакала, так к ней белые бросились, допрашивать стали, почему плачет. Хотели его там же у сосны похоронить, но троюродный мой брат привез его тело.

Хоронила я его, а белоказаки грозились:

— Всю семью вашу перевешаем.
Хотели они, звери, даже из гроба Федин труп выкинуть.
Сейчас живу с сыном и внуками. Они меня все просят:
расскажи, да расскажи про Федю. Каждый год у нашего дома
митинг бывает. И улицу называли именем сына.

*Записала Г. Мельникова, в августе 1951 года,
в г. Миассе, Челябинской области, от Гореловой-Злоказовой С., 1872 года рождения, матери
Федора Горелова, повешенного белоказаками.*

Тургояк летом 1919 года

В селе Тургояк стало известно, что Красная Армия успешно ведет наступление по всему фронту и гонит колчаковские войска на восток. Сведения эти подтверждались солдатами, которые дезертировали из колчаковской армии.

В первых числах июня стали появляться беженцы. Бежали они, как говорили сами, «от красных, от большевиков».

Их с каждым днем появлялось все больше и больше. Ехали в одиночку и группами по 15—20 подвод: хорошая упряжь, сытые лошади, телеги нагружены доверху имуществом. В селе они скупали все: фураж, яйца, масло, молоко, птицу и даже мелкий скот, тут же резали его на мясо, готовили в дорогу и ехали дальше.

Это были купцы, заводчики, кулаки, попы. Их вранью о бесчинствах и издевательствах красных никто не верил. Поток беженцев не прекращался недели две.

Во второй половине июня пошли через село воинские части белогвардейцев и интервентов: пехота, обозы, казаки, артиллерия. Вид у них был неприглядный: грязные, оборванные, усталые. Солдаты ходили по дворам, лошадей требовали, забирали пригодные телеги. Казачьих коней разместили по дворам: все сено скормили, все ближние покосы скосили или стравили, хотя трава еще не поспела. Многие жители спрятали лошадей и сами в лесу от белых скрывались.

8, 9 и 10 июля повалили новые части белых: пехота, казаки, обозы. Красная Армия подходила уже к Златоусту. Бесновались белоказаки, бегали по дворам, требовали лошадей, угрожали оружием. Обстреливали подозрительные места.

11 июля по Сыростанской дороге прошла пехота со стороны Тургоякского разъезда. Солдат было не меньше батальона. Обмундирование на них было все, с ног до головы, английское и американское, даже ранцы и винтовки.

У Ильменских гор они наскоро окопались. Линия окопов шла от «Лепешковой горы» до «Третьей речки» на четыре версты с юга на север. У подъема в горы образовалась проб-

ка. Здесь скопилось большое количество обозов: орудия разные, зарядные ящики, крестьянские телеги, походные кухни, санитарные повозки. Полная неразбериха, паника. Нельзя понять, что творилось. Офицеры в истерике разъезжали верхами, что-то кричали, ругались, размахивали плетками, хлестали лошадей и людей.

Вечером в село въехал обоз, нагруженный мешками с мукой. Муку стали развозить по всем улицам, и домохозяйкам было приказано: брать по полпуда муки и завтра, к пяти часам утра, выпечь хлеб, за невыполнение — расстрел. Отказаться никто не смел.

Всю ночь шли солдаты, ехали обозы: это с передовой белые бежали. Части Красной Армии входили в Златоуст.

Вдруг со стороны «Третьей речки» послышались выстрелы. Солдаты испуганно переглянулись. Сзади показались казаки, которые скакали во всю прыть и кричали: — Красные, красные!

От кладбища показался конный отряд красной разведки и ринулся навстречу казакам. Казаки повернули обратно в село, но и тут уже были наши. Белые, как мыши, заметались из стороны в сторону, из проулка в проулок. Но их песенка была спета.

Тут же на улицах всех спешили и разоружили. Все подводы с хлебом были захвачены.

Загорелся мост через реку Миасс. Его зажгли враги, пытаясь задержать переправу наших. Но река Миасс была так мелководна, что в любом месте можно было без труда проехать вброд, да и красноармейцы появились намного раньше на противоположной стороне и перехватили весь обоз белых.

Весть о том, что наши в селе, быстро облетела все окрестности, и люди, которые укрывались в лесу с лошадьми, погнало лошадей обратно в село. На площади у волости собрался народ. На крыльце уже красный флаг повесили. Готовились провести короткий митинг. Вдруг в толпе засмеялись. Из-за угла вышла группа солдат, человек двенадцать. Это были белые, конвоировали их два красноармейца. Все солдаты в мучной пыли, без смеха на них смотреть было невозможно.

Командир навстречу:

— Что за люди?

Один из красноармейцев объяснил, что это пленные. Взяли их на мельнице. Командир обратил внимание на оружие и спросил:

— Красноармеец Смирнов, а почему пленные с оружием?

— Товарищ командир, их оружие неопасно, затворов-то у винтовок нет, они вот, затворы-то, у меня в мешке.

Выяснилось, что когда белые утекали, эти солдаты решили спрятаться где-нибудь и дожидаться наших. Забрались на

мельницу. Когда проходили мимо красноармейцы, они вышли и подняли руки. А Смирнов решил на всякий случай обезопасить их, вынудив все затворы.

Записала Г. Мельникова, в августе 1951 года, в с. Тургояк, Миасского района, Челябинской области, от Лепешкова В. А., 1890 года рождения, пенсионера.

Новые песни

Петь у нас в полку любили. Сначала перепевали старые солдатские песни, потом новые стали петь, свои сочиняли. В апреле 1919 года, как вы знаете, готовились к наступлению на Колчака. В связи с этим в нашей армейской газете «Красный набат» был лозунг: «Вперед, на Урал!»

На эту тему появилась у нас песня. Кто ее сочинил — не знаю. Но пели все. Вот куплетик из нее:

На Урал, а за Уралом
Для голодных хлеб найдем,
Смерть всем царским генералам
Мы с собой туда несем.
Сабли наши крепкой ковки,
Братьев кровь зовет нас мстить.
Целься, меткие винтовки,
Белых надо угостить.

Пели после боя, на ученьи. А когда какую-нибудь деревню занимали, лекцию для населения читали и уж обязательно спектакль ставили. Пьесу сами сочиняли.

Записала О. Алексеева, зимой 1950 года, в г. Свердловске, от А. И. Медведева, 1900 года рождения.

Сами хозяева

Когда белые к нам на Южный Урал пришли, они все на старое повернули. Раньше над нами измывались и опять начали. Белые насильно моего старшего брата забрали с собой. А он побыл у них немного и убежал вместе с товарищем. Они в Красных камнях скрывались. Это большие шиханы на Увильдах. Здесь много наших людей пряталось — красных ожидали. Мой отец тоже в Красных камнях скрывался.

Однажды брат пришел домой, а белые нагрянули, все на лошадах. Смотрим — к нашему дому тоже подъезжают человека четыре. Зашли.

— Это кто у тебя? — спрашивают они хозяйку, а сами грозно на моего брата смотрят.

— Сын,— говорит она.

— Скрывается, наверно, от мобилизации.

— Нет, ведь он еще очень молод,— сказала хозяйка.

Спасибо ей — не растерялась. А то бы конец брату.

Последнее время беляки как почувствовали, что их вот-вот прогонят, ох и зверствовали они.

У нас тут жил Ананьин, крепкий мужчина. Он отказался белым служить. Один раз они к нему пришли и говорят:

— Ты красных ждешь, сволочь!

Ананьин на них даже внимания не обращает. Тогда подошел к нему белый офицер и закричал:

— Ты дезертир и предатель родины!

Ананьин больше не стерпел:

— Сам ты предатель! Пятки лижешь бандиту-Колчаку, холуй!

— Плетей ему! — заорал краснорожий офицер.

Страшно секли Ананьина бандиты, а потом повели его за поскотину и расстреляли.

Потом к нам красные пришли. Сколько радости было — не расскажешь! С красными и мой муж пришел. Он нам и рассказывал, как они Колчака разбили.

Как красные пришли, тут мы воскресли. Сами хозяева, никого мы не боимся: ни кулаков, ни купцов. Все, что осталось — наше. Поэтому мы и принялись с такой любовью восстанавливать хозяйство.

Записал Н. Репин, летом 1952 года, в г. Турголке, Челябинской области, от А. М. Ходовой, машиниста электровоза, 1901 года рождения.

Светлый итог жизни

После того, как белых бандитов из Надеждинска выгнали, многие цеха совсем не работали. Разруха кругом. Мы горячо взялись за работу по восстановлению завода. Обуви не было, босыми приходили на завод, а работа кипела, песни пели. Это еще что! Поработаем часов 11—12 и бежим на угольные копи уголь грузить. Уголь стране нужен был, а рабочих нехватало. А то ездили на пристань зерно для рабочих грузить. Ни с какими трудностями не считались, никто никогда не жаловался, хотя и трудно было. Для себя же все это делали.

Когда цеха восстановили, несколько субботников организовали, весь хлам, сор вывезли. Сразу же в цехах чисто, просторно стало, и работать веселей. Но дел еще очень много было. Нам от старого остался разрушенный завод, сырые землянки, да грязь кругом.

А в бараках не лучше было: одно окно, дверь, нары. Тут и семейные, и холостые — все вместе живут. Электричество рабочим не разрешали проводить. Однажды я обратился к начальнику электростанции: надо, говорю, провести рабочим в бараки освещение, а он ответил:

— Электричество только для мастеров и служащих. Ишь, какую роскошь захотел!

Изжили мы этот беспорядок. Все для рабочих стало, все для народа.

В этой квартире, где я сейчас живу — а я ее еще в годы восстановления получил — раньше барон Таубе жил. В детстве, помню, бегали мы около завода, а в район, где дом барона стоял, нас, рабочих, не пускали. Стража стояла.

В 1929 году меня, как способного токаря, в мастера выдвинули. Я старался молодым рабочим дать то, о чем раньше сам мечтал. И много хороших токарей я выучил. Мой ученик Коля Вершинин стал инженером. Многие ученики мои сами теперь мастера.

В 1930 году я в партию вступил. Это самый светлый итог моей жизни.

Записали Е. Соколова, Н. Богуславская, Н. Репин, А. Еремеев, летом 1952 года, в г. Серове, от Якунчикова П. В., 1902 года рождения, члена КПСС, технолога механического цеха завода имени Серова.

Женщины — большая сила

О чем вам рассказать? Ведь жизнь-то я большую прожила и многое видела. Ну, ладно, расскажу вам о субботниках. На всю жизнь они мне запомнились.

Это было в 1926 году. У нас в женотделе товарищ Матвеева работала. Она нас, жен рабочих второго визовского поселка, и организовала для участия в субботниках. Пришли мы воодушевленные, с музыкой, лопаты и кайла захватили. Десятников выбрали. Они нас по группам разбили, и каждая группа задание получила. Я была бригадиром. Бригада моя работала на территории второго цеха. Убирали грязь, мазут, лом в склады относили. Соревновались. Красный флаг все время был у нашей колонны. Работали с 9 часов утра до трех часов дня. В перерыве веселье горело: пели, плясали, духовой оркестр играл.

Нас, делегатов женотдела от Верх-Исетского завода, было тогда 31 человек. После первого субботника мы еще больше помогать заводу стали. Тогда очень трудно было с топливом. Рабочих нехватало. «Вертушка» с дровами приедет, вызовут делегатку, она по цепочке всем объявит и одна другую тянут

на субботник. Одну делегатку оставим с ребяташками и идем дрова разгружать. Часто и уголь выгружали — осторожно, бережно, уголь тогда на вес золота был.

Мы, жены рабочих, и на строительстве работали, когда второй цех Верх-Исетского завода расширяли. И всегда с песнями. Никогда не забуду, как мы в 1932 году на Уралмашзавод на субботник ездили. Тогда трамваи еще туда не ходили, а машин у нас мало было. Пришлось взять только актив. Приехали туда первые кирпичи завода закладывать. Поработали немного, смотрим, а визовские рабочие, которых взять не могли с собой, сами пешком пришли туда. Увезли нас на четырех машинах, а на субботнике наших больше 500 человек было. А как работали? Все бегом, все скорее, не ленились. Пара с парой, бригада с бригадой соревновались. Другая может быть и полодырничала бы, да нельзя было — кругом ведь такой энтузиазм.

Наш актив не только на субботники ходил. Мы людей воспитывали. Была у нас Мария Рыбакова. Муж работал в крупносортном цехе. Деспот был. Мы Марию в работу втянули, хорошей активисткой стала. Мужчины нас побаиваться стали, особенно те, у кого грехов много было. Кто пьянствует, жену бьет — в партком тащим, учим жить по-настоящему, по-советски. Партком нам во всем помогал, руководил нами.

Тогда культура у рабочих еще низкая была, не то, что теперь. В театры немногие ходили. Вот и возникла у меня мысль отвоевать хоть комнатку в поселке для клуба. Отвоевали, и не одну, а две. Начали молодежь втягивать в драматический кружок. Узнаем, кто хулиганит и выпивает из молодежи, подойдем к такому и говорим:

— Некому у нас сыграть одну роль. Ты один подходящий: ты, мол, и красивый, и статный.

Он и вступает в кружок. Первую пьесу поставили о кулаках. Взял сын кулака жену из бедной семьи, а сам бандит бандитом. Его осудили и выслали. Свекор тогда мучить невестку стал, избивал ее. Она сначала боялась, а потом в актив пошла. Свекор угрожает, а она его не боится, смеется над ним. Интересный спектакль был. Всех желающих посмотреть нашу пьесу клуб не мог вместить.

Молодежь-то заинтересовалась кружком, заговорила о нем, часто бывала у нас. И старые рабочие интересоваться начали. Спросит старый рабочий сына:

— Где, сын, бываешь?

А сын все расхваливает кружок. Тогда рабочий скажет:

— Сам схожу посмотрю!

А в парткоме уже билеты пригласительные заготовлены. Накануне полочки их торжественно вручали. Вот в день получ-

ки жена встречает мужа, деньги заберет, все купит, а он сам, вместо того чтобы в пивную идти, умывается, одевается, собирается в клуб. А мы уже ждем этих «грешников». И вот завоевали мы авторитет среди рабочих. «Грешники» частенько к нам стали ходить. Обсуждали в цехах наши спектакли.

Потом у нас и художественный руководитель появился. Хор организовали. Хотя драмкружков уже много тогда в Свердловске было, но наш, визовский, одним из лучших считался.

Помогали мы, женщины-активистки, организовать и ясли, и садик. Как помещение получили, — собрали белье, дров по полону с квартиры. Видит партком, что действительно мы хорошо организовали, утвердили нам смету, дали трех воспитательниц. И сами матери ходили дежурить. Всюду наш глаз был. Часто по квартирам мы ездили рабочий быт смотреть. У иной тараканы, клопы. Не может муж спокойно жить в таких условиях. Мы тогда действовали «где лаской, где таской» — до слез, бывало, доводили! Убеждали.

— Пусть у тебя пока еще не очень богато, но чистенько будет.

Соберем, бывало, денег, купим известки, жидкости, придем, детей выставим и саму хозяйку выгоним. И давай всю квартиру жидкостью опрыскивать, перемазывать, тут же и побелим. А она сидит, на нашу работу смотрит. Люди идут мимо, посмеиваются. Детей всех перемоем, переоденем.

У Рагозиной мы так квартиру преобразили: чистенько, красиво получилось. Кроватку для ребенка поставили. Муж у нее пьяница был, мучил ее — вот она и апатичная такая была. Мы у нее моем квартиру, а рядом соседки зашевелились, начали у себя скрести. Муж пришел с работы, говорит:

— Стыд из-за тебя, позор. Смех теперь будет на весь завод!

Рассердился. Смеху никакого не было, а только он сам стал требовать от нее чистоту. Пошла она работать, и энергии у нее прибавилось, кругозор расширился. Мы года через два прямо не узнали ее. И он уже по сторонам не глядел. Идет она с мужем, бывало, под ручку:

— Куда идете?

— В кино ходили!

Совсем другая семья стала.

Создали мы еще кружок медсестер. Тогда больниц мало было. Как-то обварился один ребенок, а скорой помощи не было. Мать его кислым квасом и облила. Когда в больницу привезли, ей сказали:

— Если бы вы правильно первую помощь оказали, тогда рубцов меньше было бы.

У меня и возникла мысль организовать курсы медсестер. Записалось человек 40. Собирались на квартире, и врач Суворов нам лекции читал. Учились мы 6 месяцев, а потом и экзамен сдавали. Многим рабочим мы тогда помогали. Весь завод нас знал. Заболеет кто внезапно, зовут кружковцев. Это имело для нас большое значение. Значит, мы, женщины, уже большой авторитет имели.

Записала Н. Богуславская, в г. Свердловске, весной 1952 года, от М. И. Цыбиной, 1902 года рождения, домохозяйки.

Жизни своей не жалели

Сейчас нам, женщинам, жить да жить. Мы имеем права наравне с мужчинами. И народ пошел грамотный, сознательный. Грамота — это сама жизнь. Вот мой сынишка выучился, машинистом электровоза работает. Раньше, если мать оставалась с ребятишками одна, куда ей деваться? Одно: по миру! А я ведь после смерти мужа в 1932 году осталась с тремя ребятишками. Устроилась на завод. Да еще государство стало помогать.

Для детей наших теперь все есть: детские дома, сады, ясли, школы, дворцы культуры. А раньше — босые, голодные, худые! Изработаешься на них. Сходишь к кулаку, работаешь, работаешь, сунет булку хлеба: — Иди!

Раньше-то я пропала бы с детьми. А сейчас всех вырастила. Учатся, работают. И хорошо живем.

За нас Советская власть горой стоит. А мы как раньше жили? У меня отец двенадцать лет проработал в шахте — по двенадцать часов в сутки и без выходных дней. Иногда в год-то отдохнет дня два — довольствуйся и этим! Хлеб за последние гроши у богатых татар по дорогой цене покупали.

Что богач — то сволочь, даже если он тебе по крови родной... У моего отца был брат — богатый, скупущий донельзя. Отец придет к нему:

— Афанасий, помоги мне посеять.

А он:

— А чего раньше-то думал — не сажил, не сеял! В шахту полез, за деньгами! Я вот сеял, так у меня на десять лет хватит. Я тебе не обязан помогать ничем. Отец униженно просит:

— Хоть Федьку возьми к себе.

Куда там! Лебеды проси — не даст! А у самих земли по сто пятьдесят га, по двадцать лошадей, по два, по три работника, а как страда — полдеревни на них работает.

Вот они какие, богатые-то. Поизмывались они, проклятые души.

Ну, ничего! Как Советская власть пришла — прижали их, а потом раскулачивать стали. Они совсем по-другому заговорили. Мы сразу поняли, для кого Советская власть. И жизни своей для нее не жалели.

Записал Н. Репин, летом 1952 года, в г. Тургояке, Челябинской области, от А. М. Ходовой, машиниста электровоза, 1901 года рождения.

На стройке Уралмаша

Когда Уралмашзавод начинали мы строить, то опыт у нас еще небольшой был. Строить мы еще только учились.

Завод строили очень быстро, не считаясь с трудностями. Зима суровая стояла в 1930 году, а нужно было провести канаву метров 50 для постройки чугунолитейного цеха. Машин нехватало, приходилось земляные работы вручную делать.

Молодежь, комсомольцы устроили комсомольские «ночи»: после обычной своей работы шли на рытье канавы.

Стены цеха приспособлялись ставить прямо на морозе, теплый строительный раствор применяли, сами тут же грелись. Рабочий участок закроют брезентом и под ним стену воздвигают. Когда в цехе появились плавильные печи, часть стены еще не достроили, ветер дул вовсю. Все же решили начать работу. Повесили занавес из брезента, получилась стена. Правда, ветер со снегом все же попадал в цех, но приступили к литью. И строители получили продукцию этого цеха, который только еще начал жить.

Когда строительство завода подходило к концу, на площадках завода накопились горы всякого мусора: битого кирпича, стекла и прочего.

На помощь пришли трудящиеся Свердловска. Они каждый день, после работы, партиями человек в триста приходили на площадки завода. Вдоль огромной гряды строительного мусора высотой метра в четыре ставился эшелон железнодорожных вагонов. На самой куче мусора располагались люди с лопатами и носилками, они непрерывно переносили мусор в вагоны по деревянным трапам. Работали весело, с шутками. Груды на глазах уменьшались и за несколько часов исчезали совершенно.

На это место приходили другие строители, и скоро появились садики и газоны.

По окончании строительства и официального пуска завода начали получать правительственные задания по изготовлению

машин. Тут начались новые трудности в освоении новой техники. Строить пришлось крупные машины. Стали думать, разрабатывать технологические процессы. В помощь уралмашевцам прислали несколько хороших специалистов с других заводов. Большинство из них влилось в наш коллектив и составило основные кадры. Много молодежи получало квалификацию и приходило к нам на работу. Требовалось много рабочих для обслуживания подъемных кранов, и жены наших рабочих стали крановщицами. Приходили на завод и колхозники, становились высококвалифицированными мастерами. Вот, например, колхозник Тишков Иван пришел сюда из деревни, о строительстве машин никакого понятия не имел, а теперь стал лучшим литейщиком. Правительство наградило его орденом Ленина.

Рос завод, а с ним и люди, росла уралмашевская техника. На Уралмаше созданы новые методы работы, выросло много опытных командиров производства и квалифицированных рабочих — кузнецы Коваленко, Чугунов, сталевар Сидоровский и многие другие.

Записали Е. Соколова и А. Еремеев, в октябре 1951 года, в г. Свердловске, от Ананьи-на А. С., 1896 года рождения, инженера Уралмашзавода.

Быть на уровне жизни

Когда я пришел сюда на завод, тут еще отдельные иностранные специалисты попадались. Придешь, бывало, в цех к такому «мастеру» и поглядываешь у него из-под рук, как надо проделать какую-нибудь операцию. Не любили они учить советских рабочих. Ну, а наши рабочие решили, что и сами смогут работать лучше этих «спецов». И стали упорно учиться своей профессии.

Техника у нас уже тогда была высокая, но, чтобы освоить ее, много сил потребовалось.

Вот я и принялся за учебу, хотя к тому времени был уже знающим рабочим: в 20 лет я получил восьмой разряд лекальщика.

Училась вся наша бригада. Посмотришь, бывало, после смены — все трамваи переполнены: уралмашевцы едут учиться в город. Каждую свободную минуту использовали люди для учебы. И жили-то тогда еще далеко не в таких условиях, как теперь. Тогда вместо этих зданий стояли бараки, на улицах грязь непроходимая. Строительство только что разворачивалось. Но люди учились — учились жить, работать, руководить.

Учились и строили. И поселок мы создали своими руками. С каждым днем украшался поселок. Сейчас вот сыну рассказываешь, что здесь были не скверы, а бараки, не аллеи, а не-

проходимая грязь,— он не верит. А ведь все это мы своими руками изменили.

Когда Серго Орджоникидзе приезжал на наш завод, он говорил рабочим: «Постройте такой же город, как ваш завод, чтобы вам было и радостно работать, и радостно жить». Так мы и делали. Сносили бараки, а на их месте появлялись многоэтажные красивые дома. Вместе с инженерно-техническим персоналом рабочие переселялись в прекрасные квартиры.

Строительство не прекращается и сейчас. Вы посмотрите на наш соцгородок, насколько он вырос за последние 2 года. И 20% всего жилого фонда идет для молодежи. И, пожалуй, в первую очередь, для молодоженов, потому что наше правительство заботится об укреплении советской семьи.

С молодежью у нас вообще ведется большая работа. Я сам стал обучать молодых рабочих с первых дней своей работы на заводе. Всего обучил пятьдесят человек. Теперь мои ученики скоро сами получают 8-й разряд. Но они не теряют связи со мной, постоянно приходят ко мне. Без них я даже как-то не могу работать. Я стараюсь воспитать из своих учеников полноценных людей, чтобы они хорошо работали и учились.

Кстати, сейчас я и сам чувствую, что мне тоже надо продолжать учебу. Стоять на одном месте нам невозможно. Нам, стахановцам, нужно всегда быть на уровне жизни.

*Записал Е. Шенников, в апреле 1951 года,
от А. М. Чугунова, лекальщика Уралмашзавода,
1916 года рождения.*

Старые мастера

Я расскажу вам о старых мастерах, которые работали у нас на Верх-Исетском заводе еще задолго до Великой Отечественной войны.

Тогда новых кадров еще было немного, а среди старых мастеров всякие люди были.

Вот сталевар Силаев. Усы у него длинные-предлинные, голосище — в любом углу цеха слышно. Душонка у него была мелкая. Пил запоем, прогуливал. На собраниях рабочие с гневом о нем говорили. Требовали от него хорошей работы, но это мало помогало.

Вспоминаю один курьезный случай с Силаевым. После плавки в печи остались большие ямы. Попытка удалить металл из ям ни к чему не привела. Рабочие предложили Силаеву вытащить металл из ямы через другое окно. Умное предложение было. Но в Силаеве старый барин заговорил. Вспомнил, видимо, старину, когда рабочих мастера лупили и штрафовали. Ногами затопал, закричал:

— Не ваше дело, шенки!

Ну, и продолжали плескать металл впустую. К счастью, на смену скоро пришел Василий Иванович Левадных. Он рабочих поддержал, и ямы очистили от металла.

Во время отдыха рабочие возмущались поступком Силаева. Договорились в заводской газете его пропечатать. Времена не старые, есть кому за рабочего заступиться. Я уже блокнотом вооружился, но вдруг пришла озорная мысль: стишок бы про Силаева сочинить, да позлее. Ну и сочинил.

Прочитали рабочим. Хохочут. Всем понравилось. Николай Вотчиков взял красный сурик и написал этот стишок на своей завалочной машине. Повернул планку, на которой стишок написал, к отражению печи, чтоб всем видно было.

Пришел начальник цеха Николай Петрович Бояршинов. Покосился — ничего не понял. Еще раз посмотрел — заулыбался. Вытащил футляр из кармана, прочистил очки, одел, прочел еще раз — и давай хохотать. Обратил на это внимание и Силаев. Подошел. Что тут было! Всех разнес! Хоть он кричит, горячится, но видно, что заело ретивое. Схватил где-то тряпку — и ну стирать! А сурик не стирается. Долго стишок в цехе красовался.

Таких мастеров, как Силаев, у нас все меньше становилось. После того, как он однажды свод поджог в печи, его выгнали с завода. Не хотели рабочие его больше терпеть.

Был еще тогда у нас сталевар Иван Мочалкин. Похож он был, знаете, на ухаля-купца. С подхалимцем человек. Любил всегда быть на глазах у начальства, поябедничать исподтишка.

Я тогда подручным сталевара был, а, как правило, плавку вел, потому что Мочалкин работать не очень любил. Ну, а коль я плавку вел, приходилось всем в бригаде подчиняться моим указаниям. Бригада не любила Мочалкина и охотно слушала меня. Но однажды во время плавки я почувствовал, что кто-то больно меня за ухо дернул. Обернулся, гляжу — Мочалкин стоит:

— Не командуй,— тихо и злобно прошипел он.

Думаю, что такое случилось? Растерялся, долго не мог сообразить, в чем дело. Догадался я только тогда, когда увидел вблизи нашей печи группу гостей во главе с начальником цеха.

Таких, как Силаев и Мочалкин, у нас уже тогда было немного. Хороших больше было, настоящих людей!

Никогда рабочие мартена не забудут Федора Федоровича Кузьмина. Да, это был настоящий сталевар, самый душевный человек. Он не боялся воспитывать молодых. Он не боялся их роста, ибо сам знал себе цену. И все его уважали. Кузьмин часто нас, молодых, предупреждал о возможных провокациях со стороны Силаева и Мочалкина. Кузьмина все поддерживали: и

партийная организация, и рабочий коллектив. Мы, молодые советские сталевары, тогда многому научились у таких людей, как Кузьмин.

Записали Е. Соколова, Н. Богуславская, А. Еремеев, весной 1952 года, в г. Свердловске, от Н. И. Козловского, обер-мастера мартеновского цеха Верх-Исетского завода, члена КПСС.

Мы строили Магнитогорск

Я приехал в Магнитогорск в 1931 году. Группа нас целая прибыла на строительство. Спрашиваем:

— А где же станция?

Оказалось, что мы на станции стоим. Все еще было под открытым небом. Все было временным: станция, депо. Когда карантин прошли, решили город осмотреть. Смотрим — никакого города и нет. Одни палатки стоят да экскаватор, и паровозики-кукушки бегают. Кругом свистки, гудки, грохот, шум. Дико немного показалось.

Но все понимали, что быть здесь новому советскому городу. Отдельные корпуса уже воздвигались, и под строительство отвели громадную территорию. С утра до ночи кипела работа. И мы в стороне не стояли. Всех захватила стройка, всех оживила.

Я год поработал помощником машиниста Ковалева на паровозе № 79 и пожалел, что семью свою сюда не взял. Продлил вербовку и семью привез. Еще лучше стал работать.

Все здесь нашими руками построено. На субботах и воскресниках мы, железнодорожники, ходили мартен и прокат строить, город озеленяли. Нам тогда за хороший труд звание изотовцев присвоили.

Уйдешь с работы, а на другой день город не узнаешь. Побольшевицки строили. Рабочие почувствовали себя, как дома, особенно, когда пустили многие цеха. Начали нам путевки в дома отдыха и санатории давать. Хорошая жизнь пошла. Родиной для нас всех Магнитка стала. И женщины нам сильно помогали. Придет жена к мужу на железную дорогу:

— Как тебе не стыдно? — говорит. — До чего паровоз довел! Берет тряпку и давай мыть. Дней через пять все паровозы изменились. Кто по-старинке работал — засмеют того жены-домохозяйки. Карикатуры в газете нарисуют. Стоит машинист, от стыда краснеет и потеет, а жена его учит по-хозяйски с паровозом обращаться.

Записали А. Януш и А. Акулинина, летом 1952 года, в г. Магнитогорске, от И. Е. Колесникова, 1900 года рождения, машиниста паровоза детской железной дороги, парка «Металлург» Дворца культуры, члена КПСС.

Первые тракторы

Челябинск красивым городом стал. Особенно наш тракторный завод. Видели аллею по улице Спартака? Идет она почти от самого завода. Выйдешь после работы, приятно пройти по ней. Идешь, а над тобой как будто зеленый купол из ветвей. Разрослись наши деревца! А ведь мы их сами садили лет 17—18 назад. И улицу сами строили.

Тогда еще ни завода, ни Дворца культуры, ни техникума, ни парка не было. Тут все болота были, да кустарники. Ведь, кажется, совсем недавно болото засыпали, пни корчевали. Строители сначала жили в палатках. Рабочие приезжали со всех концов страны: и с Украины, и из Сибири. На стройке работали бригадами. Рыли котлованы, протягивали линию парового отопления, прокладывали трубы, строили паровозное депо, а потом перешли на другую работу — бетонировать фундамент заводоуправления.

Нашу стройку весь народ называл ударной стройкой. Бригадная работа подгоняла лодырей. Прогулы не отмечали, а оценивалась работа всей бригады, и сами же рабочие изгоняли лодырей.

Были и такие, которые старались сорвать стройку. Кулачье пробралось к нам на стройку и подбивало рабочих бросить работу. Ведь работать было трудно, жить негде. Строили литейный цех, а группа бетонщиков собралась уходить: сезон, мол, кончился. Мы, мол, на зиму работать не останемся. Главарь у них был, Зыков, он заявил:

— Стройте завод сами. Нам домой нужно!

Но все рабочие возмутились:

— Пусть уходят. Мы не уйдем со стройки, пока трубы завода не задымятся.

Были и тайные враги, которые старались вредить во всем. Задерживали поставку материалов, станков. Когда строили механический цех, кто-то ночью переставил колышки, а по ним подкрановые колонны из железобетона ставили. Вредители надеялись, что мы не заметим и возведем их неправильно. А тогда и весь цех пришлось бы разбирать и все строить заново. Но не удалось. Рабочие утром заметили, что колышки переставлены.

Пока мы строили завод, на опытном заводе уже готовили первый трактор. Рабочие почти вручную изготавливали детали трактора. Станков-то новых не было еще. Вручную выпиливали даже кулачки распределительного вала. А все-таки Первого мая 1931 года первый трактор собрали.

В 1932 году заводу предложили первую программу: выпустить 12 серийных тракторов к 1 июня 1933 года. Помню, как

из ворот цеха выходили первые наши «Сталинцы». Один, второй, третий... тринадцатый! Тринадцатый трактор был собран комсомольцами сверх плана. Это было в день пуска Челябинского тракторного завода, 1 июня 1933 года. На заводской площади построили красивую высокую трибуну. На ней стояли М. И. Калинин, директор завода, строители. По дороге к трибуне протянули широкую алую ленту. Головной трактор вел Макагон. Пионеры перерезали ленту. Тракторы пошли дальше. Что тут было: кричали, целовались, качали строителей... Помню, как тракторы прошли мимо трибуны, развернулись и остановились. Митинг начался. М. И. Калинин поздравил строителей. Нашему заводу присвоили имя товарища Сталина. Михаил Иванович Калинин потом осматривал цеха, дома, был на ЧГРЭСе. Наши тракторы тогда на Октябрьской демонстрации шли по Красной площади. Мы послали 15 «Сталинцев» на парад.

Шли они пятью рядами, по три машины в ряд, вслед за танками.

Товарищ Сталин приветствовал первые челябинские тракторы.

Записали И. Сухова и Г. Мельникова, в июле 1952 года, в г. Челябинске, от М. И. Никулина, 1909 года рождения, старшего мастера цеха Челябинского тракторного завода.

Стахановский труд

Приехал я в Нижний Тагил в 1935 году и поступил работать землекопом. Я твердо решил добиться того, чтобы, как построим завод, работать на нем.

Тогда же мы организовали бригаду, которая выполняла уже не только земляные, но и бетонные работы. Земляные работы мы выполняли на 200%. Помню, наш нормировщик не мог поверить такой цифре и отказывался заполнять наряды. «Не может быть,— говорит,— чтобы человек на 200% работал: у него самой интенсивности только на 100%».

Но мы скоро показали, что для нас и 200% — не предел.

Когда по всей стране развернулось стахановское движение, наша бригада выполняла план на 1000%.

Соревновались мы тогда с бригадой Лобанова. Однажды он добился невиданного еще на заводе рекорда выработки — 950%. Мы вышли на работу в ночь и к утру дали 1250% выработки.

Вскоре меня направили на эксплуатационную работу в Ворошиловград, где я поработал на бандажном стане 3 месяца. Сдал отлично экзамен на вальцовщика и снова вернулся на Нижне-Тагильский металлургический завод.

В то время отечественных машин еще не хватало, частично заграничными пользовались. Вот и пришлось мне однажды осваивать оборудование английской фирмы. Сначала мы никак не могли прокатать на инструменте необходимую форму бандажа. Я спросил мистера Вайна, представителя этой фирмы, которого у нас как специалиста держали, как прокатать эти бандажи. Через переводчика получаю ответ:

— Поезжайте в Испанию. Там есть такой стан, учитесь у них.

Получив такой ответ, я сам решил искать выхода. И вот сумел изменить профиль инструмента и, благодаря этому, получить ту форму бандажа, которая нам требовалась. Но вначале брак у нас доходил до 40%. За борьбой с браком следил сам Лазарь Моисеевич Каганович.

Внося одно за другим улучшения, я добился того, что брак дошел до 0,7%. Это было большой победой. После этого я был награжден в 1939 году высшей правительственной наградой — орденом Ленина «за увеличение качественных и количественных показателей».

Сейчас мне уже пора на пенсию, но я остаюсь на старом месте и работаю начальником бандажного стана и обер-мастером.

Записал Г. Шенников, в июле 1951 года, от П. П. Шмелева, 1894 года рождения, обер-мастера-бандажника Нижне-Тагильского металлургического завода.

В дни войны

В 1924 году я вступила в комсомол. Мы, комсомольцы, в религиозные праздники, особенно в пасху и на рождество, устраивали спектакли, ходили по улицам, пели новые советские песни. Очень весело у нас было, и молодежь охотно шла к нам, на наши спектакли, а потом втягивалась и в серьезную работу.

В 1924 году мы узнали тяжелую весть: умер Ленин. Все словно родного отца потеряли. В ленинские дни я в партию вступила.

Была делегаткой женотдела, вовлекала работниц нашего огнеупорного цеха в общественную жизнь. Помню, пришла к нам женщина одна, по фамилии Ивановская. Одета она была в холщевую юбку. Нам смешно показалось: хоть и трудно было тогда, но в холсте не ходили. У ней муж умер, 6 человек семьи осталось, вот и пришла на завод. Я все приглядывалась к ней, умная она была и грамотная. А я газеты с трудом читала, по слогам. Мы с Ивановской подружились. Она стала в цехе газеты читать, беседы проводила. Вместе на со-

брания ходили. Она все хорошо понимала, придет с собрания и в цехе работницам расскажет. Выдвинули ее бригадиром на глиномялке, потом женорганизатором завода.

Раньше абразивный и огнеупорный цеха составляли одно целое. Потом завод наш разросся, абразивный цех от огнеупорного отделили. Огнеупорный затем стал заводом, выдвинули мы Ивановскую директором. Не ошиблись в выборе: она хорошо работала и чуткая к рабочим была.

Решили мы столовую организовать: у нас в заводе не было еще столовой, рабочие еду из дома в мешочках носили. В 1930 году открыли столовую. Одну нашу работницу выдвинули заведующей. Много она потрудилась, но и столовая уютная была, чистая, рабочие охотно стали обедать в ней.

Вели мы борьбу за хорошее отношение к женщине. Еще во многих жили старые предрассудки: баба, мол, не человек. А у нас женщины не хуже мужчин работали.

У нас Аникеев был, председатель цехкома. Ивановская тогда еще бригадиром работала. Подходит к нему по делу, он ее в горячах обругал. Она ко мне в слезах. Я иду к Аникееву:

— Зачем Ивановскую оскорбили?

Заставила его просить извинения. Он извинился и зарок дал: никогда не грубить.

Мне учиться хотелось, отправили меня на курсы в Свердловск. Когда с курсов приехала, стала работать в цехе секретарем партийной организации, потом инструктором общественного питания.

С 1933 года ушла работать в «прокатку» тоже женорганизатором. Много женщин ко мне с жалобами приходило. Иду по стану, спрашиваю, как работа идет. Работницы мне говорят, что мастер плохо относится. Я советую им: напишите заявление. А они боятся писать. Тогда написала я сама, а работницы подписали. Устроили над мастером товарищеский суд. Перестал ругаться. Сейчас этот мастер два ордена имеет.

В «прокатке» на ответственных операциях мужчины работали, а потом и женщины начали выдвигаться. Мне тоже предложили на салазковую пилу перейти:

— Сама говоришь, что женщины должны быть впереди. Покажи пример.

Ну, я и показала пример. За несколько месяцев сама обучилась и других работниц научила.

Потом на кран перешла. Мне страшно было сначала, но старые рабочие помогли. Освоилась на крану — перевели помощником машиниста. Сначала трудно было: я, ведь, не знала теории. Училась много. Все рабочие из цеха уйдут, а со мной мастер или старый рабочий на полчаса-час остается — объясняют.

В 1939 году исполнилась моя мечта: стала я «хозяйкой сердца» стана — машинистом машинного зала. Включу моторы — и весь стан приходит в движение. Нужно было хорошо знать устройство моторов, чтобы самой устранять мелкие аварии. Сначала трудно мне давалось. Я все больше расспрашивала, а во время ремонта не отходила: старалась понять, для чего каждая деталь служит.

К тому времени завод наш и город очень выросли.

Построили много новых больших домов, ясли, детсады, поликлинику, водопровод, баню, проложили трамвайную линию, провели электричество и радио. Хорошо мы зажили. У нас ударников много было, а потом и стахановцев. Но помешали нам строить новую жизнь фашисты. Началась Отечественная война.

В 1941 году 22 июня подходит ко мне соседка со слезами и говорит:

— Молотов по радио выступал. Германия на нас напала.

Мне надо было на работу, я побежала скорее на завод. Рабочие из ночной смены еще не все знали. Я подбегаю к моему сменщику, Куланину Ивану Алексеевичу:

— Вы ничего не знаете? Немцы Киев бомбили в 4 часа. Война началась.

Он и не поверил сначала:

— Мы же договор заключили о мире с Германией.

Я ему и говорю:

— Гитлер одной рукой договор подписывал о мире, а другой танки да пушки готовил.

Мой муж на заводе работал. Он сразу же пошел в военкомат на фронт проситься. Ему там сказали:

— Идите пока домой. Нужны будете — повестку получите.

25-го июня принесли повестку, а 15 июля проводила я мужа на фронт. Осталась с тремя детьми и матерью.

Помню, как сейчас, выступление товарища Сталина по радио 3 июля. Все рабочие собрались в цехе. Тишина стояла кругом. Никогда не было так тихо. Всею душой слушали вождя, и Сталин нам тогда путь к победе указал.

А осенью стали прибывать эшелоны с рабочими, оборудованием. Грязь непролазная, дождь со снегом, ветер. Машины буксовали. Рабочие на руках вытаскивали машины. Стали строить завод на пустом месте. Теперь там красивый городок и гордость нашего Златоуста — Дворец машиностроителей.

Трудно нам приходилось в эти тяжелые годы. Я мужу часто на фронт письма писала о стахановской работе в цехе, о комсомольско-молодежных бригадах, которые организовались и в нашем цехе и во всем заводе.

Наш стан работал по-стахановски. Но о том, что дома крыша худая, что недостает продуктов, не писала: им на фронте труднее, чем нам. Когда наши войска отступали, мне муж с фронта писал, что это временное отступление, и я верила всегда, что мы победим фашистскую Германию.

Записала Г. Мельникова, в ноябре 1951 года, в г. Златоусте, Челябинской области, от Нефедовой В. В., 1900 года рождения, машиниста прокатного стана «260» металлургического завода имени Сталина.

Стахановская школа

Это было зимой, в морозные февральские дни 1943 года. Наш цех встал на стахановскую вахту. Промывочная фабрика и транспортники дали обязательство промыть 75 думпкаров в смену. А ведь раньше в такие морозные дни фабрика почти не работала.

Старались тщательно подготовиться к выполнению задания. Вывесили лозунги на постах, на паровозах.

Я тогда работал диспетчером. Понимал, что задание трудное. Зима была суровая, и морозы могли крепко помешать. Но это было как бы испытанием наших сил. Меня вызвал начальник цеха:

— Твоя задача — обеспечивать четкое движение поездов. Это обязательство нужно выполнить без ущерба для других работ. Все ясно?

— Все, — отвечаю.

— Ты, значит, иди подготовься, отдохни, чтобы с первой же минуты начать работать хорошо.

Пошел домой. Ведь военные годы были. Каждое задание тревожило и волновало. Каждое задание хотелось не только выполнить, но и перевыполнить...

Спалось плохо. Утром встаю рано, думаю: «Какой же выдастся день? Если будет с ветром — как бы не подвести коллектив, так как в очень сильные морозы и ветреные дни у паровозов, обычно, перемерзают воздушные насосы и трубки воздушной магистрали». Волнуюсь! Нужно было идти на смену к 8 часам. Я встал часов в пять, оделся и пошел в цех.

Утро казалось такое тихое, морозное. Дым стелется по крышам. Я направляюсь через те посты, которые будут участвовать в пропуске паровозов от 14-го Бюс-Айруса на промывочную фабрику.

Прежде подошел к экскаватору, познакомился, какой у него забой, в каком состоянии подъездные пути к нему. Затем зашел на стрелочные посты узнать, как обеспечены стрелоч-

ники. От них во многом зависит хорошая работа. Я узнал, есть ли на постах сигналы, инструменты для чистки стрелок. Поинтересовался, как стрелочники обеспечены: есть ли у них печки, чайники. На двух постах оказались. Говорю: «Хорошо! Кипяток пригодится!»

Отсюда я пошел в цех. Начальник цеха был здесь. Готовился собрать митинг. Вахта, помню, была в честь наступления наших войск в районе Сталинграда.

На митинге начальник цеха поставил перед всей сменой задачи. Я обратил внимание стрелочников, машинистов и кондукторов на предстоящие трудности:

— Препятствия будут. День все же холодный.

Некоторые машинисты выступили и заверили: «Не подведем!»

Начали работу. Прикрепили к экскаватору три паровоза с тяжеловесными составами — по шесть думпкаров. Это было трудно в зимнее время. Обыкновенно составы были из трех думпкаров.

Итак, начали! Придет на промывочную фабрику паровоз, разгружает три думпкара, следующие три ожидают. А в это время еще подходит паровоз. Пока ожидают, у них замерзают трубки и примерзает сырье к днищам думпкаров. Думпкары потом не могут закрыться. Появляется тормоз в работе. Машинисты начали бороться с этими трудностями. Они применяли даже факелы, чтобы разогреть замерзающие магистрали. В результате всего этого быстро ликвидировали простои. В обеденный перерыв зашел заместитель начальника цеха и говорит:

— А если нам разнести горячий обед по паровозам? Не задержит это?

Я поддержал:

— Это не затормозит, а улучшит нашу работу. Машинисты почувствуют заботу о себе. Ну и, конечно, силы восстановят.

Машинисты увидели такую заботу, даже смутились: раньше никогда не приносили обед на паровоз. Официантки говорят им:

— Ничего, ничего, вы найдите время, покушайте.

Машинисты пообедали и почувствовали еще больший прилив сил. Разработались. Начали друг друга подгонять. Я вижу, что машинисты стремятся перевыполнить задание. Они уже забыли о морозе, препятствия стали ничем. Моя задача — давать им зеленую улицу. Мне приходилось тут очень четко руководить движением поездов, чтобы не ущемлять никого и нигде не создавать задержки.

В конце смены я, как диспетчер, уже подсчитал результаты и старался сообщить о них через стрелочников бригадам.

Звонят, спрашивают по селектору:

— Как идет, как заканчивается смена? Какой результат нашего сегодняшнего соревнования?

Я сообщаю:

— Мы с заданием хорошо справились. Перекрыли его!

Записал В. Попков, летом 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Турмона Ф. В., 1910 года рождения, начальника смены транспортного цеха Высокогорского железного рудника.

С верой в победу

Свою производственную деятельность я начал в Донбассе, в г. Сталино, в 1927 году. До этого я в деревне рос. Как пришел на завод, многое пришлось изменить в жизни. Хотя я разбирался в производстве плохо, но стремился быстро его изучить и подтянуться до уровня передовых рабочих. Тогда это не так легко было сделать. Некоторые старые специалисты, которые уже имели большой навык в работе, без особого желания обучали нас, молодых. Но мы были твердыми: задавали вопросы, интересовались всем, присматривались, как другие люди живут и кто каким путем продвигается вперед.

Присмотревшись, я понял, что без учебы, без образования по-настоящему работать нельзя. И я начал учиться. Кончил шестилетку, вечернюю рабочую школу, курсы технического образования и в 1933 году я стал техником-доменщиком. К этому времени я уже имел кое-какой практический опыт.

Развитие черной металлургии в стране шло быстро. Росло ударничество. У нас, в Сталино, широко развернулось социалистическое соревнование между отдельными рабочими, участками, цехами.

Но внезапно началась Великая Отечественная война. Мы все серьезно призадумались: как помочь родной стране? Только об этом все думали, только этим все жили!

И вот товарищ Сталин выступил перед народом и сказал, что все усилия, все стремления наши надо направить на разгром врага.

И это был не приказ, а обращение вождя к своему родному народу. Народ ответил на зов вождя самоотверженным трудом.

Мы старались дать как можно больше металла. А работать было трудно. До последнего дня эвакуации из-за маскировки мы работали в темноте. Но скоро нам дали установку: все производство постепенно перебрасывать в тыл, быстро в тылу восстанавливать все и ковать победу над врагом. Последние дни мы даже не ходили домой, жили прямо на заводе, старались как можно быстрее переправить отдельные агрегаты в тыл.

Враг подходил все ближе и ближе. Отдельные заводы уже эвакуировали не только рабочих, но и их семьи. И мы ждали того момента, когда нам прикажут эвакуироваться. Сначала мы отправили в тыл семьи, а сами продолжали работать. Наконец пришел приказ: что нельзя забрать — взрывать и самим отправляться в тыл.

Невозможно представить, какой это был ответственный момент: мы отвечали за людей и за быструю переброску оборудования. Слышна уже канонада, враг уже недалеко, а рабочие завода все разбирают, грузят и отправляют, не считаясь ни с какими трудностями. В это время для эвакуации самих рабочих было все подготовлено. Стоял на путях паровоз с вагонами и ожидал, когда будет дан последний сигнал к отправке людей в тыл.

Как сейчас помню. Ночью шел сильный дождь и снег. Нам приказали отправить рабочих и руководство завода. С болью в сердце уезжали. С болью бросали все то, что своими руками было сделано и переоборудовано, а еще более жаль было, что не могли забрать с собой все и даже всех. Но глубоко верили, что придем назад и опять забьется сердце нашего завода, и опять польется металл.

Таких эшелонов, как наш, было отправлено с Донбасса очень много. Дороги были сильно перегружены. Без задержек продвигались только поезда военного назначения.

Нас, рабочих и руководителей завода имени Сталина, направили на Северный Урал, на Серовский завод. И чем дальше мы уезжали в тыл, тем более убеждались, что народ работает с небывалым подъемом и верит в победу.

Когда мы прибыли на станцию Надеждинск, многих встречали жены и дети, а к некоторым, в том числе и ко мне, никто не пришел. Я был разлучен с семьей.

Ранее прибывшие рассказывали, как их здесь приняли: их быстро разместили по квартирам и снабдили продовольствием. И к нам отнеслись хорошо: разместили по квартирам семейных, а затем и одиноких.

На другой день пошли город и завод осматривать. По сравнению со Сталинским заводом Надеждинский показался нам технически хуже оснащенным. Но и здесь уже во многом прививалась культура производства.

2 декабря 1941 года мы вышли работать на завод. Меня поставили мастером доменного производства. Стали мы присматриваться. Кое-где подсказывали серовским рабочим и сами многому у них учились.

Большинство рабочих средних и молодых лет в те дни ушло в армию. Нужно было пополнить рабочие места новыми кадрами. Большую роль тут сыграли женщины. Женщины работа-

ли у нас даже горновыми и газовщицами. Они героически трудились в годы войны.

Второй отряд пополнения состоял из молодежи, которая обучалась в нашем ремесленном училище и практику проходила на производстве. С ней пришлось много поработать. У каждого, сами знаете, свой характер, разное усвоение той или иной профессии. И мы старались заинтересовать их, изучали, каким методом можно лучше воздействовать на того или другого. Потом из них много передовых рабочих вышло, даже лауреатов Сталинской премии.

Приведу вам пример. Возьму из одного выпуска двух учеников — Костричкина и Фукалова.

Костричкин вел себя вначале плохо, зачастую прогуливал, уходил с работы, не подчинялся своему мастеру. Много с ним беседовали, разговаривали, часто взыскания выносили, но ничего не помогало. И вид он имел беспризорный. Ночевал в заводе, ходил грязный — совсем опустился. Даже мастер смены отказался с ним работать, говоря:

— Это безнадежный человек, ничего из него не выйдет!

Но когда мы лучше присмотрелись к нему, то оказалось, что мастер не нашел правильного подхода. Я решил серьезно с ним заняться. И что вы думаете? Из этого паренька получился хороший горновой. К нему особый подход нужен был. Когда Костричкин не выполнял ту или иную работу или плохо ее выполнял, я подходил к нему и говорил:

— Товарищ Костричкин, неужели ты хуже Фукалова? Посмотрю на тебя, так ты ничуть не хуже его, а работаешь хуже. А я так думаю, что ты лучше многих работать сумеешь, если захочешь.

И отходил спокойно. Этого было достаточно, чтобы он хорошо выполнял работу — ведь способный парень. Он сам потом начал подходить ко мне. Покажет работу и говорит:

— Смотрите, вот я сделал — не хуже, ведь, чем у других?

Я похваляю, и он опять старается.

И второй пример — Геннадий Фукалов. Он был тихий, скромный мальчик, застенчивый, молчаливый. Эти его особенности я сразу заметил. Заметил я в нем и другое: он внимательно вникал в свое дело, изучал его, старался выполнить работу как можно лучше, всегда спрашивал старшего товарища:

— Правильно я сделал или нет?

И если он сделает хуже, чем другие, то обязательно подойдет к мастеру или начальнику смены и спросит, почему не получается.

Геннадия Фукалова скоро и поставили первым горновым. А первый горновой — высокая квалификация. Но мы следили, чтобы Фукалов не зазнался, не бросил учиться. Посоветовали

ему в комсомол вступить. И скоро Геннадий поравнялся с теми товарищами, которые проработали на заводе 15—20 лет. Когда был поставлен вопрос о достижении наивысшего коэффициента использования полезного объема доменных печей, он первым в эту работу включился. В 1949 году пять наших товарищей получили звание лауреатов Сталинской премии. Среди них и Фукалов.

Так воспитывали мы и обучали кадры в годы Великой Отечественной войны.

Записали Н. Богуславская и Е. Соколова, летом 1952 года, в г. Серове, от Соколова Н. К., обер-мастера доменного цеха завода имени Серова, 1903 года рождения, лауреата Сталинской премии.

В гостях у воинов - уральцев

В начале 1942 года по всей нашей области начался сбор подарков для Красной Армии. Домохозяйки вязали носки, варежки, перчатки. Они аккуратно зашивали посылки и вкладывали туда теплые, сердечные письма неизвестному бойцу. Особенно много было индивидуальных посылок от девушек, работниц предприятий и учащихся старших классов с письмами и даже фотокарточками. Многие посылали индивидуальные посылки, просили бойцов ответить на их письма, просили прислать фотографию, одним словом, желали знать человека, которому будет вручена их посылка. После, когда я уже был среди воинов Ленинградского фронта, мне пришлось наблюдать, с какой радостью, с каким старанием писали бойцы и офицеры эти ответы, какой горячей благодарностью были проникнуты их письма к труженикам Урала. Посылки колхозников и колхозниц: махорка-самосад, которую особенно хвалили среди бойцов и командиров Красной Армии, мороженая птица (утки, куры, гуси), сало, сухари и даже мороженые пельмени. Кроме этого, было много битой мороженой дичи: рябчики, тетерева, куропатки.

Делегация на Ленинградский фронт с подарками от трудящихся Свердловской области состояла из 24 человек. От города Серова в этой делегации были я и еще один товарищ.

Мы стремились приехать на Ленинградский фронт с подарками ко дню Красной Армии, т. е. к 23 февраля. Но это нам не удалось, потому что всю дорогу нас обгоняли поезда со снарядами, пушками, танками и другими военными грузами. Одним словом, к празднику мы не успели, дня на три запоздали. На станцию Войбокалово мы прибыли в конце февраля. От этой станции наш эшелон в 60 вагонов с подарками привезли по наскоро построенной 15-километровой ветке

на берег Ладожского озера, на станцию Лаврово. Отсюда, в основном, питался фронт и осажденный Ленинград. Десятки тысяч машин шли непрерывным конвейером по ледяной дороге Ладожского озера, «дороге жизни», как ее называли.

Вскоре после приезда к нам в вагон прибыли представители многих частей фронта. Договорились, что наша делегация разделится на 3 группы. Я вместе с другими товарищами поехал в штаб. В небольшом помещении собралось человек 30—40 командного состава во главе с генералом.

Генерал войскового соединения тепло приветствовал нас, делегатов, благодарил от имени бойцов и командиров за заботу, за наш стахановский труд.

Затем выступало еще несколько товарищей и со стороны комсостава, и из среды нашей делегации.

В заключение генерал ознакомил нас с обстановкой, с порядком посещения делегацией подразделений.

«Здесь,— говорил он,— мы находимся в 15—20 километрах от передового края. Встретились мы с вами при дневном свете. Поедете по подразделениям, там более суровая обстановка: встречаться будете при керосиновом и электрическом освещении в блиндажах, в землянках, в окопах. Вы, надеюсь, отдаете себе отчет, что у нас тут не совсем безопасно, хотя мы и приняли все меры, чтобы не было каких-либо неприятностей. Но ведь война есть война».

Командир одной из частей принял нас в глубоком блиндаже и пригласил к обеду. Мы отказались, сказав, что обедали у генерала.

— Там был обед тыловой, а здесь фронтовой. Там вы были от передового края за 15 километров, а здесь за 1 километр.

Пришлось снова обедать.

— Сейчас придут за вами представители из подразделений и вам придется разделить по-одному.

За мной пришел товарищ Макаренко, секретарь партийной организации.

— Вы умеете бегать? — спросил меня товарищ Макаренко, когда я ему был представлен как гость.

— Могу немного,— ответил я.

— Видите ли, перестрелка, которая сейчас идет, не страшна, так как тут, как видите, густой лес.

Лес действительно был густой, но масса деревьев была со сломанными вершинами от минометного и орудийного огня.

— На нашем пути,— продолжал Макаренко,— будет поляна метров сто, ее-то и нужно пробежать бегом. Сейчас прошли кухни, будут раздавать обед бойцам. Как раз пролетела не-

мецкая «рама». Если она засекала кухни, то немцы помешают нам раздать обед, начнут минометный обстрел.

Автоматная и пулеметная стрельба раздавалась по всему лесу, но ни минометного, ни артиллерийского обстрела не было. Мы добрались до блиндажа командира и комиссара. Макаренко втолкнул меня в блиндаж со словами: «Принимайте гостя».

Начались расспросы: какова жизнь в тылу, как работает транспорт, долго ли с Урала ехали? Беседа затянулась до трех часов ночи. Примерно с полночи немцы начали редкую артиллерийскую стрельбу и вели ее до самого утра. Если где поблизости падал снаряд, комиссар Зотов просыпался и говорил:

— Чорт знает, что такое! Гостю спать не дают! Не сочувствуют человеку, с дороги уставшему. Бессовестные!

Утром мы пошли в роты. Командир впереди, я за ним, сзади комиссар. Расстояние от штаба до переднего края было 400 метров. Мы прошли по лесу метров 200. Входим в один из блиндажей, очень темно. Комиссар кричит:

— Здравствуйте, товарищи! Гостя вам привел.

— Милости просим,— кричат бойцы.— Откуда?

— С Урала,— отвечает Зотов.

Осматриваюсь. Глаза немножко привыкают к полутьме. Посредине горит коптилочка. Бойцов человек 15—20. Рекомендуюсь:

— Я из Серова.

А мне в ответ:

— Я из Тагила. Я из Кушвы. Я из Алапаевска.

Вдруг один из бойцов пробирается ко мне, подает руку:

— Здравствуйте, Дмитрий Петрович.

— Абрамов! — узнаю я.

Это был рабочий нашего доменного цеха.

— Вот так так! — говорил командир.— Вот это хлеб для тебя, комиссар. Этакая удача. Везет человеку.

Беседа в этом блиндаже с уральцами затянулась надолго, а когда мы собрались уходить, немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Нам пришлось остаться в блиндаже. В течение полутора часов немцы вели артиллерийский обстрел наших позиций. Прибежал связной от начальника штаба и доложил командиру, что батальон противника перешел в наступление. Артиллерийский обстрел немцы перенесли в тыл, на штаб. Немедленно была дана команда:

— Все по местам!

Все бросились из блиндажа в окопы, чтобы отразить фашистскую атаку. Застрочили пулеметы, автоматы, бьют винтовки, ручные минометы. Даже пущена была в ход артиллерия, и немецкая атака захлебнулась. В блиндаж вбе-

гает тот же связной с оборванной полой шинели и разбитым ложем винтовки. Докладывает:

— Атака отбита!

Стрельба начинает стихать. Изредка еще бьет по нашим тылам артиллерия противника, и затем наступает полная тишина. Направляемся в штаб. Приходим к блиндажу штаба, а блиндаж разбит попавшим снарядом. Начальник штаба перенес свою резиденцию в другой блиндаж, рядом, а этот бойцы приводят в порядок. В блиндаже был сильно ранен в левый бок радист и убит один из связных бойцов. Затем прибыл помощник командира и поздравил меня с боевым крещением. Прибыли представители политотдела и надолго, за полночь, затянулся разбор взаимодействий частей в бою.

Погостив три дня, мы были вызваны в штаб, где уже собрались все наши делегаты — 8 человек. Генерал отправил нас на машинах на станцию Лаврово.

По ледяной дороге Ладожского озера мы отправились на машинах на «малую землю», в осажденный Ленинград.

В Ленинград мы прибыли днем. Я никогда не бывал в Ленинграде, и он мне показался изумительным красавцем, несмотря на то, что город переносил страшное бедствие. На улицах было много снега, кое-где стояли занесенные снегом трамваи. Город был без света, без воды, без топлива. И все же он и тогда поразил меня своим величием.

Огромная масса трудящихся Ленинграда, несмотря на все бедствия и страдания, выходила на улицу и расчищала тротуары от снега.

Из Ленинграда с одной группой товарищей-делегатов я поехал на Карельский перешеек. Здесь происходил армейский слет снайперов. На этом слете я слышал прекрасное выступление писателя Всеволода Вишневского.

После возвращения с Карельского перешейка мы приехали к зенитчикам. На окраине города в блиндаже собрались зенитчики, которым мы должны были вручить наши подарки. Командир сам ленинградец, вместе с ним в блиндаже жила его семья: жена и двое детей — девочка лет девяти и мальчик лет шести. На мой вопрос, почему они не эвакуировались на большую землю, жена отвечала:

— Дети не хотят с отцом расставаться. Были случаи, когда налетали немецкие самолеты, они нас бомбят сверху, а наш папка стреляет снизу. Кончится этот поединок, папка живой приходит в блиндаж и живем дальше.

Лаская сынишку, она продолжала:

— Самое трудное прожили, теперь нам хлеба добавили. Будем и дальше помогать папке отстаивать наш родной город. Мы ведь уже сбили двадцать пять самолетов.

На всю жизнь останется у меня в памяти эта героическая семья.

Перед отъездом командование части вручило мне альбом с надписью: «Трудящимся Урала и советской Сибири от бойцов, командиров и политработников». В этом альбоме — портреты лучших бойцов и командиров. Здесь были снимки приема в партию, стрельбы из зениток по пехоте врага, когда он пытался форсировать Неву. На последней странице альбома написано такое стихотворение:

Не отдадим!
Не отдадим фашистам Ленинграда,
Ни площадей, ни скверов, ни палат,
Ни Пушкиным прославленного сада,
Ни возведенных Росси колоннад,
Ни Ильича с простертою рукою,
Зовущего: пойдем и победим!
Ни верфей, ни заводов, взятых с бою,
Ни сфинксов над серебряной Невую,
Ни островов с их славой вековою —

Не отдадим!
...Когда святая ненависть зачата,
Она должна перехлестнуть края.
Ведь мы ж Суворова внучата,
Ведь мы ж Чапая сыновья.
Нас обучать по-новому не надо,
Мы знаем все! Кто прав — непобедим,
Где был завод, пусть вырастет бригада,
Пусть раздирает уши канонада,
Пусть кровь, пусть смерть, пусть ад,
Но Ленинграда

Не отдадим!

Из Ленинграда мы проехали по той же ледяной дороге Ладожского озера и со станции Лаврово выехали домой на Урал, увозя с собой незабываемые впечатления о встречах с защитниками Родины.

По приезде домой я очень долго вел переписку с фронтовиками — товарищами Зотовым, Пекленковым и другими. Их письма и фотографии я храню и сейчас.

По приезде в Серов я выступал на многих собраниях трудящихся и рассказывал о своей поездке на фронт. Я выступал перед трудящимися Карпинска, Краснотурьинска, перед колхозниками Серовского района. Мы еще лучше стали работать для великой нашей победы.

*Записали Н. Богуславская, Е. Соколова,
А. Еремеев, Н. Репин, летом 1952 года, в г. Серове,
от Д. П. Мухаркина, 1898 года рождения,
начальника участка технического контроля доменного цеха Серовского металлургического завода.*

Многоперфораторное бурение

В 1946 году я демобилизовался и поступил работать на рудник в подземный цех.

Некоторые говорили обо мне:

— Этот человек работать у нас на шахте не будет. Посмотрит и убежит.

Я услышал и думаю: «Докажу, что смогу работать. Я знаю, как трудности переносить. Я ведь советский человек».

Проработал я с опытным бурщиком полтора месяца. Упорно преодолевал все трудности. И вот начал работать самостоятельно.

Первоначально работал на вертикальных выработках и все время думал: «Как бы труд еще более механизировать?»

Ну, крепления были деревянные, один человек и проходить и крепить не мог. Начали думать, как бы сделать походное металлическое крепление вместо деревянного, чтоб можно было самому крепить и самому работать. Сделали такое крепление.

Меня вскоре перевели на добычу. Главный инженер Покровский вызывает однажды и говорит:

— Товарищ Мороз, у нас есть одна интересная проблема, которую нужно разрешить. Думаем внедрить штанговое¹ бурение.

Это для меня новое дело было. Мы с товарищем Покровским просидели две смены, пока я освоил его. Сперва я работал один, потом мне дали бригаду: научи, мол, молодых работников штанговому бурению.

Разработка на шахте производилась подъэтажной системой. Не было вначале достаточного количества рабочего инструмента к штангам. Штанги, которые нам изготовлялись, первоначально были очень неудачные, потому что соединительные муфты для штангов имели круглую форму. Пээровская машина, если попадала сырая порода, не способна была продувать ее. Процесс работы показал: нужна муфта не круглая, а квадратная, чтобы она очищала в шпуре пыль от породы. Я предложил инженеру Рыбникову сделать квадратную муфту. По расчетам все вышло. Легче стало работать, и сейчас ею пользуемся.

Таким образом, при помощи главного инженера Покровского и инженера Рыбникова внедрили штанговое бурение. Это было в 1949 году. Потом людей, которые со мной работали, послали на разные шахты. Там они внедряли штанговое бурение.

¹ Штанги — бурильные машины для вертикальной проходки.

Когда мы внедрили штанговое бурение, производительность труда повысилась почти на 150 процентов.

В январе 1950 года меня перевели на Жуковскую шахту. Шахта не выполняла план — замерзали шпуры. Это было во время больших морозов. Порода у нас влажная была и слабо давалась выдуванию из шпуров. Трудно было вытаскивать бур из шпура.

Я предложил сделать электроподогреватель и утепленные бачки для воды. Пришлось изготовить походный пятилитровый бачок. Этот бачок рабочие изготовили сами в механической мастерской.

Надо мной бурщики смеялись:

— Что ты там таскаешь с собой?

— Я много воды употребляю, — отшучивался я.

Бачок стоил дешево, всего 28 рублей, а эффект получился хороший. Сразу добыча повысилась. Вся бригада наша пользуется этим бачком.

Механик смеялся:

— Слушай, Мороз, бачок не потеряй, он мне стоит 28 рублей, с меня спросят.

А я говорю:

— Он мне душевных сил больше стоит. Я над этим бачком день и ночь думал!

В Жуковской шахте у меня бригада была из девяти человек. На бригаду было шесть машин, нехватало перфораторов. Не успевали набурить руды.

Решили попробовать многоперфораторное бурение. Самый опытный рабочий в бригаде у нас Осипов. С ним я не один раз советовался:

— Знаешь, товарищ Осипов, у нас много людей, производительность еще низкая. Надо сделать так, чтобы не было застоя из-за нас, бурщиков.

Первоначально мы вдвоем с Осиповым поставили четыре машины на двоих. Но работали на разных подъездах. Вечером я говорю Осипову:

— Ну-ка, давай подсчитаем, что же мы сделали на двух машинах.

Оказалось, что мы в первый день на них сработали так же, как и на одной. Осипов усмехнулся:

— Знаешь, Мороз, из нашей затеи ничего не выйдет.

— Почему?

— Мы на двух машинах дали 120 процентов, как и на одной, а устали больше.

Я ему говорю:

— Нет, это мы первый день работали. У нас есть ряд недостатков.

Проработали с Осиповым еще, примерно, пятидневку и подсчитали снова наши итоги. Производительность увеличилась. Мы выполнили норму на 200 процентов.

Первоначально приходилось трудновато: смотришь за той машиной, за другой. Недостаточно света было в камере. Внесли предложение: в камере нужно свет электрический поставить. Стали работать без всяких карбидок и прожекторов. Просто лампочку вешали на месте работы.

Все это дало прекрасные результаты. Вместо девяти человек в камере осталось два, а производительность труда повысилась.

Нужно было это дело повернуть в другой бригаде.

Я пришел к бригадиру Кутюку (мы с ним соревновались):

— Ты, Константин Иванович, давай, включай две машины, работай так, как мы с Осиповым.

— А я,— говорит,— слышу, что вы там возитесь, шумом давите. Давно собирался зайти, времени не было.

— Давай, заходи!

Зашел, посмотрел. Вот Кутюк и Долгополов, значит, тоже стали бурить на двух машинах.

А там пошло дальше и дальше по бригадам.

Записали В. Попков и Л. Илюхин, зимой 1951 года, в г. Нижнем Тагиле, от Мороза Н. М., 1909 года рождения, бурищика подземного цеха Высокогорского железного рудника.

Живем дружно

В 1947 году я демобилизовался из армии и вернулся на родной Уралмаш. Комсомольская организация нашего цеха поручила мне создать комсомольско-молодежную бригаду. Я пригляделся к работе людей на участке и решил составить свою бригаду из демобилизованных фронтовиков.

Взял Ивана Смолина, бывшего командира пехотного взвода, Алексея Сыскова, бывшего моряка Тихоокеанского флота, Владимира Жукова, бывшего танкиста. Сам я на фронте был артиллеристом. Вот и вышла у нас фронтовая бригада, притом, гвардейская.

За работу мы принялись горячо: изголодались за войну по хорошему мирному труду. И вскоре стали одной из лучших бригад на заводе.

На заводе к тому времени было двести комсомольско-молодежных бригад. Все они боролись за первенство в соревнованиях. И ясно, чтобы завоевать звание лучшей бригады, требовалось большое напряжение. Многого мы добились, когда сумели организовать поточный метод труда в бригаде. Цех у

нас тогда работал на серийном производстве экскаваторов конструкции инженера нашего завода дважды лауреата Сталинской премии Сатовского.

Чтобы выполнить задание, нужна была большая слаженность в работе. А у нас часто детали по несколько часов ждали обработки. И вот, когда мы организовали поточный метод в бригаде, деталь с разметочной плиты стала сразу поступать на станок, где ее обрабатывали Жуков и Смолин. Затем она переходила на фрезерный станок к Алексею Сыскову, а от него уже ко мне, на расточный стан.

Таким образом, болванка, поступавшая в нашу бригаду, выходила из нее готовой деталью.

Поточный метод заставил нас трудиться с исключительной точностью и ответственностью. Мы совместно заранее разрабатывали чертежи и изучали технологию деталей и, насколько можно, улучшали ее.

Например, обработка одной детали шагающего экскаватора требовала очень сложной настройки. Когда я внимательно присмотрелся, то понял, что эту настройку можно значительно упростить с помощью обыкновенной призмы. И вот, простым приспособлением я добился обработки детали в 6 раз быстрее, чем раньше.

Когда мы узнали о почине Александра Чутких — бороться за продукцию только отличного качества — мы все загорелись желанием стать бригадой отличного качества. Мы взяли под контроль оборудование цеха, подобрали нужный инструмент, уплотнили до максимума свой рабочий день. И вот, представьте, как будто никаких особенных перемен в организации нашей работы не произошло, а производительность резко повысилась, и процент брака упал до нуля.

25 марта 1949 года нам первым на заводе присвоили звание бригады отличного качества. Нам вручили переходящее Красное знамя, которое теперь присуждено нам навечно.

Мы много работаем и по распространению своего опыта. За последние два с половиной года я обучил своей специальности шесть человек, Иван Смолин — четырех, Алексей Сысков — также четырех, Владимир Жуков — трех.

Для распространения своего опыта мы пользуемся стахановской школой и газетой.

Стараемся распределить время так, чтобы хватило на все: и на труд, и на учебу, и на отдых. А досуг мы проводим тоже всегда вместе. Вместе ходим в театр, вместе собираемся на праздники. Одним словом, живем дружно.

Записал Г. Щенников, в апреле 1951 года, в г. Свердловске, от фрезеровщика Уралмашзавода Остаточникова, 1917 года рождения.

Стрелочники

Особенно много забот и неприятностей приносит зима транспортникам.

Помню, в один из декабрьских дней пошел снег, а затем поднялся ветер, как его называют, «поземка». Началась метель. Я отправил паровоз 190 на отвал.

Стрелочница сообщает: «Паровоз на перегоне стоит, на отвал не отправляется».

Стоянка на месте в пургу, в метель — это очень плохо для железнодорожных составов. Их может замести снегом. Состав потом трудно будет взять. Посылаю стрелочницу к машинисту и говорю, чтобы немедленно отправлялся в ту или иную сторону, иначе его заметет снегом. Стрелочница прибегает и говорит:

— Диспетчер, паровоз уже занесло снегом, не может двигаться.

Посылаю резервный паровоз на выручку.

Прошло некоторое время, кондуктор этого паровоза докладывает:

— Буксовали... и нас занесло снегом.

Теперь и резервный паровоз не может выехать.

Я посылаю Ломоносова, опытного машиниста паровоза 195. Он быстро освободил мне два паровоза и состав убрал с перегона.

В эту смену еще много застревало составов на путях в снегу, а работа не была остановлена.

Эта смена с заданием своим справилась.

Борьбу со снеготаносами составов мы после этого еще несколько раз обсуждали на планерках с машинистами паровозов. Говорили о неопытности машинистов, которые допускают занос снегом, учили, как нужно избежать заноса.

Вот раз, вступая на смену, я собрал весь коллектив, обсудил работу предыдущей смены, которая выполнила план на 140 процентов, рассказал своей смене, как они работали, за счет чего достигли таких успехов.

При обсуждении слышу реплики со стороны стрелочников:

— Вот, мол, кондуктора план выполняют, а нашей работы все равно не видать: она не учитывается.

Пришлось доказывать и убеждать, что от стрелочников очень многое зависит в успехе нашей работы.

Я напомнил: если стрелочник задерживает паровоз, а у нас через каждые 4 минуты проходит состав, то нарушается весь маршрут и вся смена не может выполнить своего задания. Привел им живые примеры из практики каждого поста отдельно.

Ну, вот разошлись.

Некоторые стрелочники начали даже подсчитывать количество паровозов, пропущенных через их посты. И за каждую задержку паровоза, которая была вызвана диспетчером, стрелочницы сильно беспокоили меня:

— Отправляй на другой пост, на моем не задерживай! — кричит одна стрелочница.

— Забирай, диспетчер, — кричит другая.

— Бери состав, бери состав!

Диспетчера все время подгоняли.

Вот, например, Валя Киселева.

Встал паровоз на перегоне. Пару нехватило. Это у нас называют «растянулся». Чмыхал, чмыхал, буксовал, буксовал и встал недалеко от поста Вали.

Она побежала к машинисту, узнала, что он «растянулся», и докладывает диспетчеру:

— Этот машинист задерживает работу на посту. Помогите быстрее!

Такие случаи были и со многими другими стрелочниками в эту смену.

А когда кончилась смена, то чуть ли не все стрелочницы пришли к диспетчеру узнать, сколько вывезено думпкар на каждом посту.

И тут мне пришлось отдельно подсчитывать, сколько каждая стрелочница пропустила поездов.

Подсчитав результаты работы, я объявил, что смена сработала на 162 процента. И с тех пор уже стрелочницы моей смены не говорили, что от них показатели не зависят и что они второстепенные работники.

Записал В. Попков, в августе 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Ф. В. Турлюна, 1910 года рождения, начальника смены транспортного цеха Высокогорского железного рудника.

Новая норма

Это было в марте 1948 года. Мне управление рудника дало путевку на лечение. Приехал я после лечения с курорта и, значит, за беспокойство о моем здоровье решил поломать норму трех думпкаров, которые водили раньше.

Я договорился с Мировским о взятии четвертого думпкара. Пришел на работу, говорю помощнику:

— Сегодня возьмем четвертый думпкар.

Он удивляется:

— Да что вы! Разве можно? С четырьмя ты не выедешь!

Я говорю:

— Попробую!

Сказал диспетчеру. Он тоже удивляется:

— Да что вы! Вы же не выедете!

А я говорю:

— Выеду!

Приняли паровоз, берем четвертый думпкар и поехали.

Рудоуправление знало об этом моем выезде. Машинисты смотрели и все удивлялись:

— Что он, с ума сошел?

Спустились в выработку к экскаватору, погрузились. Конечно, я волновался и помощник тоже.

Выехали великолепно. На аглокомбинате нас уже встречали. Благодарили, жали руку товарищи и главный инженер Покровский.

И этот день стал переломным в вождении составов: с трех переключились на четыре думпкара.

Записали В. Попков и А. Илюхин, зимой 1951 года, в г. Нижнем Тагиле, от Астафьева Ф. Е., машиниста паровоза Высокогорского железного рудника.

На отечественной машине

Раньше я работал в колхозе, а в 1945 году приехал в Нижний Тагил в школу ФЗО. Меня направили учиться в группу помощников машинистов экскаваторов.

Когда я впервые увидел машину, то был очень заинтересован и решил во что бы то ни стало стать машинистом. И всегда в свободное от учебы время я ходил на машину поучиться, как работать надо.

— Давай, садись, учись, грузи — пригодится.

И я старался.

По окончании школы меня направили в экскаваторный цех помощником машиниста экскаватора. Мне легче, чем другим, работать было. Я работал и слышал как обо мне говорили:

— Смотри, из ФЗО вышел и уже грузит.

Два месяца проработал я по шестому разряду, а потом мне разряд повысили, дали седьмой, и когда курсы машинистов открылись, меня направили на эти курсы. Учиться приходилось трудновато, потому что там все были с десятилетним и с семилетним образованием и только я — с четырьмя-то классами.

Ну, я все-таки постарался и сдал все на отлично. Так как я был знаком с машинами, то с первых же дней меня поставили машинистом.

Никогда я не забуду того дня, когда на рудник пришли новые машины. Наши, отечественные, марки УЗТМ. Мне начальник смены сказал:

— Идешь на «Уралец» стажироваться и чтоб за 2 недели освоил машину.

И вот теперь я работаю на «Уральце» № 1 в комсомольской бригаде. Хорошая машина!

Записали В. Попков и Л. Илюхин, зимой 1951 года, в г. Нижнем Тагиле, от Машшева Г. И., машиниста экскаватора горного цеха Высокогорского железного рудника.

Люблю работать в шахте

Мне понравилась работа шахтера. Я ходила не раз смотреть, как бурщики бурят. Мне сначала казалось, что тяжело. Боялась я в шахту спускаться. Бурщик зовет:

— Иди, Лена, иди, посмотри, привыкнешь.

— Нет, Саша, боюсь.

Дня три ходила, смотрела все. Потом пошла на курсы помощников бурщика. Кончила и перевелась в подземный цех учеником бурщика. Потом уж самостоятельно стала бурить.

Вначале работала на Сернистой, затем перешла на Первомайскую шахту. Работала довольно хорошо. Меня все сменщики уважали: дескать, вот женщина бурит больше мужчины.

Прихожу на смену, срез отгребаю, смотрю на породе сколько выбить бурок, так и располагаю. Иной день выбьешь 10 бурок, а второй день две бурки дашь по мартиту, да еще свечку поставишь.

Приходит начальник смены Мамаев, мы все его Женей звали, хороший парень, простой такой. Все его уважали. Как он сменный, так обязательно норму перевыполняли. Приходит, спрашивает, а то и сам встанет, поможет:

— Ну, как дела, Лена?

— Замучилась, Женя.

Сейчас скрепериста призовет, втроем тащим этот бур.

— Пока бурщик набурит, давай опускайте руду с боков,— говорит Женя.

Ну, они опускают, ты стараешься отбурить побыстрее. Отбурил, они радуются.

— Вот, руда есть, дадим норму.

Стараешься отпалить одну бурку так, чтобы на всю смену хватило. Сам Женя указывает:

— Вот, Лена, давай здесь забурим.

— Давай!

— Пристройся, Лена, быстрее.

Ну, работаешь еще веселей. Смотришь — полсмены пройдет, у нас руды хватает.

Приехала из Москвы женщина от охраны труда.

Меня сняли с бурщиков: войны, дескать, нет, можете перейти на легкую работу. Я все не хотела переходить, привыкла к шахте, думаю: «Если уйду с этой работы, где еще такую найду?»

Переживала очень!

Ходила к начальству, чтоб оставили бурщиком. Везде одно: «Тяжело женщине в шахте, не женская эта работа, тут силу нужно». Затем: «Идите взрывщиком работать». Мне это понравилось потому, что работать тоже в шахте.

Кончила курсы взрывщиков. Сейчас снова в шахте работаю.

Записал В. Попков, в июле 1950 года, в г. Нижнем Тагиле, от Чаплыгиной Е. Ф., 1924 года рождения, взрывника подземного цеха Высокогорского железного рудника.

Рекорды прокатчиков

Прокатчики — горячий народ, ну и работают горячо. В цехе у нас много бригад, работают все дружно. Чтобы рекорд поставить, большая слаженность в работе бригады требуется. Если все в бригаде честно и ловко работают, то вальцовщик может небольшой перерыв иметь и наблюдать за работой всей бригады.

Такой порядок недавно прокатчики установили: освобождают вальцовщика от других подсобных работ. На первом месте в бригаде взаимопомощь стоит. Мало ли что может случиться с человеком — угорел или просто устал, увидит это вальцовщик, так идет помогать. Уставшему прокатчику достаточно несколько минут передохнуть, как он уже опять может хорошо работать.

Бригады между собой соревнуются.

Когда к рекордам готовятся, вся бригада часа за полтора приходит на работу и смотрит, что нового предыдущая бригада придумала. Это новое в своей работе использует. Каждое утро смотрят в спештетрадь, как другие бригады работают, сколько пакетов¹ накатали.

Комсомольско-молодежная бригада Левшина первая поставила рекорд — прокатала 910 пакетов. Ну, после рекорда одной бригады начинается подъем всех других. Левшина Черных с бригадой побил: 932 пакета прокатал.

¹ П а к е т — четыре листа стали.

Мы считали, что больший рекорд трудно поставить, а Щипанов с бригадой выходит и говорит: «Неправда, победим!» и к концу смены дали 950 пакетов!

В 6 часов вечера Барышев заступил. Он тоже решил не подкачать. Ох, и работали же они! Все, кто в цехе был, сбегались на них смотреть, как на чудеса какие. Дала бригада Барышева 960 пакетов, да при таком качестве, которое никому и не снилось: 100 процентов высших марок! Ну, все думают, Барышев закрепил рекорд.

Но тут начинается смену Алексеев и к концу ее дает 1000 пакетов. Какая бригада кончит смену, домой не уходит: смотрит, сколько следующая накатает. На бригаду, которая рекорд ставит, много народу приходит смотреть.

После Алексеевского рекорда бригада Бирюкова выступила и установила вовсе неслыханный рекорд: 1102 пакета — это при норме-то 470!

Такие высокие показатели были нашим подарком Родине.

Записала О. Алексеева, зимой 1950 года, в г. Свердловске, на Верх-Исетском заводе, от нормировщика Рядкина С. И. и парторга листопркатного цеха № 1 — мастера Оборина В. Ф.

Учу молодежь

Расскажу вам, как мы, мастера, молодежь обучаем.

Пришел ко мне молоденький паренек Базин. Теперь он получил звание лучшего мастера Советского Союза. Меня обгоняет. Много с ним поработать пришлось. Когда Базин из техникума пришел к нам, я познакомился с ним и говорю:

— Начать нужно с самой простой специальности, самому узнать все операции нужно.

Смотрю, парень во все вникает. Начал работать крючочником. Работал до тех пор, пока я ему не сказал:

— Хватит тебе висеть на крючке, переходи на вальцовку.

И он дальше двигался. Учил его не так, как нас учили.

Когда я учился, мастера были старой закалки, «секретов» не выдавали. Если, например, нужно калибровку разметить, так он отвернется в сторону и тихонько заглянет в свою маленькую книжечку. Боится, чтобы другой не увидел.

А я Базину говорил:

— Старайся. Что сам знаю, все тебе расскажу. Полюбишь работу — все свои знания тебе отдам.

Присматривал я за ним, как за родным сыном. Давал советы. И результат хороший получился. Так мы всех молодых рабочих обучаем.

В 1949 году за безупречную работу меня наградили орденом Ленина. Теперь я пенсионер, а работать продолжаю и буду продолжать до тех пор, пока сил хватит, а сил у меня много.

*Записала Г. Мельникова, в ноябре 1951 года,
в г. Златоусте, от Кузнецова Ф. Г., 1902 года
рождения, мастера стана «260» прокатного
цеха металлургического завода имени Сталина.*

Работать для мира

Пришли рабочие с митинга и говорят:

— В Москву едешь!

— Зачем?

— Делегатом на конференцию сторонников мира.

Я не был на митинге — шла моя смена.

Потом вызвали в партком и подтвердили. Двенадцатого собрались в Свердловске, чтоб ехать всем вместе. Ну, приехали в Москву. Нас встретили, отвезли в гостиницу. Потом уж пошли в Дом Союзов. И тут я увидел представителей всех национальностей нашей страны, Героев Советского Союза, лучших людей нашей земли. После регистрации были организованы экскурсии по Москве. На экскурсию ездили в Горки, потом были в Оружейной палате, в Третьяковской галерее.

Конференция открылась. Делегаты заняли места. В президиум избрали писателя Фадеева, Маресьева, Ванду Василевскую, Чутких, Росийского и других. После доклада Тихонова начались бурные прения. Да ведь если всем дать выступить, еще бы сколько времени потребовалось. Всем хотелось сказать, у всех на душе накипело.

Выступал от Магнитогорска сталевар Захаров. Он с гневом и ненавистью говорил о поджигателях войны: «Мы войны не хотим не потому, что ее боимся! Пусть враги знают, что металлурги Урала и всей страны умеют лить металл не только для строек, но и для грозных бронемашин». Потом выступил шахтер Балагер. Он говорил о своих достижениях, о своей стахановской бригаде. Он также выразил ненависть к поджигателям новой войны.

Был у меня разговор с Павлом Яковлевичем Глинским, лауреатом Сталинской премии. Он из Ивдельского района, Свердловской области. Встретились в Клонном зале, разговорились. Глинский рассказал мне про свой жизненный путь. Он еще подростком стал работать на прииске. «Только,— говорит,— советская власть открыла мне путь жизни и труда». Глинский теперь руководит крупной группой разработки. «Во время войны,— рассказывал он,— когда юг был оккупирован,

я открыл на Урале месторождение марганца. За это я получил Сталинскую премию. Вот я, неграмотный раньше, стал жить по-настоящему».

А вообще-то дума у всех одна! Все знают, что война несет разруху. Говорили и думали только о том, как бы отстоять мир, улучшить свою жизнь, работать не для войны, а для мира.

Когда я уезжал, ребята наказывали: «Поезжай, отстаивай мир, чтобы нам не пришлось воевать!» Сказать-то мне не пришлось, но за меня сказали другие. Конференция дала душевный подъем.

Когда мы ехали домой, с вдохновением думали о работе. Как приехал,— сразу пошел на завод. Ребята вышли на работу раньше меня, рады, что приехал. Они стали расспрашивать о Москве, о конференции. И тут мы договорились работать, не покладая рук.

Записали Т. Лежнева, В. Попков и Л. Ильхин, зимой 1951 года, в г. Нижнем Тагиле, от Крючкова Н. Б., 1926 года рождения, горного завода имени Куйбышева.

Высокая награда

25 мая 1950 года многих наших рабочих, в том числе меня, наградили орденом Ленина. Я выступила, вспомнила свое тяжелое детство. Разве маленькая девочка могла мечтать об ордене Ленина, засыпая от усталости и непрерывного кружения вокруг вала на глиномялке? Разве моя мать, вечно голодная и избитая, могла думать, что ее дочь станет уважаемым человеком, когда она сама была готова кланяться каждой барыне на улице? Я благодарила партию. Больше я не могла говорить: слезы на глазах.

В августе в клубе металлургов нам вручали награды. Первых зачитали, кто орден Ленина получил. Стала я говорить — и не могу: слезы клубком в горле встали. Все-таки пересилила себя и сказала, что буду воспитывать детей, чтобы они трудились для нашей Родины.

Один мой сын учится в ремесленном училище, другой — в школе, в шестом классе.

Меня пригласили в президиум. Я сижу и думаю: лучше бы мне со своими работницами сидеть, а то как-то неловко на виду у всего зала. У нас все рабочие хорошие, а я не лучше всех.

Все-таки не утерпела, пошла в перерыв к своим девчатам, а Михаил Андреевич Перцов, директор завода, увидел и говорит, чтобы я шла в президиум. Так и сидела в президиуме до конца собрания.

Мне уже 50 лет, на пенсию перешла, но буду работать на своем стане. Слежу за своими машинами, как за детьми: они тоже ухода требуют.

Записала Г. Мельникова, в ноябре 1951 года, в г. Златоусте, Челябинской области, от Нефедовой В. В., 1900 года рождения, машиниста стана «260» завода имени Сталина.

За мир во всем мире

Выпало на мою долю быть на Первом Конгрессе мира.

На четвертый день Конгресса выступил и я. Трудно передать, как я волновался. У меня у самого война отняла двух сыновей. Один мой сын, Семен, погиб в 1943 году под Ленинградом; другой, Виктор, умер от ран в нескольких километрах от Берлина. И вот теперь американские фашисты готовятся к новой войне. Мы не хотим войны и ее не будет, если не захотят все трудящиеся мира!

У меня было небольшое обращение ко всем металлургам мира: ни одного грамма металла на военную промышленность!

Приняли очень тепло, трудно передать. Когда я закончил речь, ко мне подошел болгарский писатель. Крепко пожал мне руку и сказал: «Ваши слова нужно переложить в стихи, песни, чтобы они звучали повсюду».

Разговаривал я с металлургом-поляком. Он говорил о шестилетнем плане: «Мы тоже будем соревноваться по профессиям», — сказал он.

Особенно мне запомнилось выступление жены Фучика. Были на Конгрессе и ученые, и духовенство, и рабочие, и все с гневом говорили о поджигателях войны. Получали письма, телеграммы со всех концов мира. И все писали об одном: долой поджигателей войны.

Записала Г. Мельникова, зимой 1951 года, в г. Златоусте, от Амосова В. М., сталевара, почетного металлурга, депутата Верховного Совета СССР.

За новые успехи

В Челябинск я приехала в 1948 году, сразу же после демобилизации из армии. Раньше я жила на Кубани. А в армии служила добровольцем во флоте. Там я и встретила с уральцами. Они были из Челябинска и не раз с гордостью рассказывали о тракторном заводе, о мощных «Сталинцах». Демобилизовалась я, подумала, где работать, и забрав семью — мать и брата, поехала на Урал, на Челябинский тракторный завод.

Мне предложили работать машинисткой. Но мне хотелось самой строить трактор, а не сидеть за машинкой в бухгалтерии. Я пошла в цех.

Сначала меня оглушил шум станков, я не могла ничего расслышать, казалось, что люди только губами шевелят. А у станка работала почему-то все молодежь — девушки и ребята. Одна хрупкая такая девушка уверенно включает и выключает станок, спокойно снимает и вновь закрепляет детали. Мне захотелось самой встать на ее место, самой обработать деталь.

Я стала работать токарем. Сейчас даже и вспомнить смешно: надо станок включить, а я со страхом кнопку нажму, а сама от станка бегом. Пугало меня его гудение, казалось, что вот-вот он взорвется. А потом ничего, привыкла. Меня поставили на многорезцовый станок. Станок не я налаживала, а наладчик. Я только обрабатывала деталь, выполняла одну или две операции — это работа токаря-оператора.

Потом меня поставили на 2 станка. Сначала трудно было. Но мне хотелось хорошо работать, скорее освоить дело. Присматривалась к работе других, училась работать быстрее. Вскоре я работала уже на 4 станках — многостаночницей стала. Я выполняла две нормы, перегонять стала даже старых, опытных рабочих. Сначала мы снимали за смену 35 деталей — это хорошо, а 50 — это уже отлично. А потом и до 100 штук довели выработку.

Иногда приходилось ждать минут 5—10 наладчика, чтобы исправить станок. А станок стоял. Поэтому я решила научиться самой производить мелкий ремонт, присматривалась к слесарям, наладчику и освоила наладку. Станок стал меньше простаивать. Как-то раз подходит ко мне мастер и говорит:

— Рая, сумеешь наладчицей работать?

— Я резцы не умею затачивать, да и боюсь, — отвечаю.

Только кончили разговаривать, вызывает меня начальник цеха:

— Вот, Рая, тебе почетное задание: назначаем тебя наладчицей. Ты будешь первой женщиной-наладчицей в нашем цехе.

Это было в мае 1950 года. Мастер поручил сменщикам обучить меня. Поучилась я у них, а через два месяца сама все стала делать. Трудно было сначала, думала уйду. А теперь прихожу в цех, как домой. Обо всем забываю, кроме работы. Хочется работать лучше, ведь сама людьми руковожу. Я теперь бригадир-наладчик.

Бригада моя занята обработкой валиков несущего диска. Каждая бригада состоит из трех станочников и бригадира-наладчика. Раньше мы обслуживали 10 станков, а теперь — 12. Наша бригада работала лучше другой, а когда в ней брига-

диром стал Юдин, оба коллектива стали стахановскими. У нас соревнование между бригадами дружно идет.

Теперь мы делаем по 140 деталей в смену. Но и это не предел.

Мы будем бороться за новые успехи, потому что борьба за высокую производительность — это борьба за коммунизм.

Записали И. Сухова и Г. Мельникова, в июле 1952 года, в г. Челябинске, от Степанюк Р. В., 1923 года рождения, наладчицы Челябинского тракторного завода.

Только вперед!

У нас каждый рабочий знает: нет большего счастья, чем честно трудиться, видеть, как труд славит нашу великую страну и человека.

Замечательные у нас рабочие. О таких людях раньше только мечтали. Я расскажу вам о них — о молодых и о старых.

Вы еще не познакомились с Володей Семеновым? Он у нас в сортопрокатном цехе работает. Энергия у него прямо-таки неукротимая. Сколько хороших дел, сколько хороших начинаний принадлежит ему! И как любит он свою работу! Работает умно, я бы сказал, красиво. Я иногда думаю: если бы каждый писатель так глубоко переживал свой труд, как Володя Семенов, то наверно все книги у нас были бы такие, что не оторвешься, захватывающие бы книги были.

Случай один забавный вспоминаю. Приходит как-то ко мне Володя Семенов и говорит:

— Георгий, научи меня работать так, чтобы у меня никогда второго сорта не выходило. Прошу тебя, очень прошу!

А сам волнуется. Я ему говорю:

— Что это с тобой? Не жалуясь пока на тебя!

А он мне и рассказывает:

— Вчера мне тяжелый сон приснился. Будто я работаю и вдруг пошел второй сорт. Бегу с ужасом на холодильник. Проверяю. Действительно второй сорт! Как закричу: «Мастер!» Зову на помощь всех! Проснулся — весь лоб холодным потом покрыт!

Ну, я успокоил его. А сон — в блокнот записал.

Хоботнева тоже Володей зовут. И все Володи белобрысые, как и я. Этот Володя не хуже Семенова работает. Непокойный он человек, все думает, все старается, чтобы вся бригада так же, как он, работала. Как-то он приутомился — бывает ведь! А тут к счастью отпуск у него. Ну, мы обрадовались! Уговорили его в дом отдыха поехать. Работаем и друга вспо-

минаем. Дня два прошло — Хоботнев вдруг в цех приходит. Я его встречаю:

— Зачем ты пришел? Ведь ты отдохнуть собирался! Мы думали, что ты, наконец-то, уехал. А ты!

— Уехать-то уехал. А вот мне сказали, что вы отстали тут. Правда это или нет? Если правда — никуда я не поеду — помогу!

Я ему и говорю:

— Слушай, это тебя, чудака, разыграли. Знают все твое слабое место. Иди отдыхать, без тебя обойдемся!

Ушел недовольный. А когда приехал и узнал, что результаты у нас хорошие, вот радовался!

Если у кого из бригады неудача на работе, все переживают, все помогают, как только могут.

Есть у нас Саша Сахаров — сварщик. Он нагревает металл в методических печах для прокатки, придает ему пластичность. Он всегда говорит мне:

— Вы, товарищ мастер, настройте как следует стан, а горячим металлом я вас всегда обеспечу.

И он всегда свое слово сдерживает. Но, как говорится, и «на старуху бывает проруха». Как-то обеспечивал он стан горячим металлом и сварил его — слипся металл. Сто потов бригада пролила, а спасла металл. Страдал прямо-таки Саша тогда. Но такой урок это был для него, что вот уже пять лет он ни разу металла не сваривал.

У нас не только хорошо работают. У нас каждый рабочий — рационализатор.

Есть у нас тут вальцовщик один, старичок Медведев, украинец. Работает он на одной из клетей — крючком штуки (болванки) затаскивает. Однажды он мне говорит:

— Та когда ж вы придумаете что-нибудь, чтобы я не таскал эту штуку. Надоело и никогда свободной минуты нет. Та неужели тут ничего нельзя сделать!

Я говорю:

— Ладно, сделаем! Дай только три-четыре месяца.

— Ой, не дождусь того дни!

Зашевелилась бригада. Думала, думала и приспособление изобрела. Крючок забросили. Вот в один прекрасный день приходит Медведев на работу. Стоит и дивуется:

— Яка прекрасна машинка. Хотя я и старый — теперь буду еще работать лет двадцать здесь. Поумнели штуки — сами заворачивают. Теперь я буду помогать старшему вальцовщику регулировать металл. А то он звонит, а я не могу оторваться от крючка. Как оторвешься, — брак сделал.

Завод для каждого рабочего — вторая семья. Тут не простая привычка. В нашей работе настоящая любовь между

людьми куется, настоящая привязанность. Вот почему, не работаешь по какой-нибудь причине день, и беспокойство тебя охватывает. Всей душой рвешься на завод. С такими рабочими, как наши, не пропадешь — все сделают наши люди! Только вперед смотрят. Не любят они отсталых.

Записали А. Януш и А. Акулинина, летом 1952 года, в г. Магнитогорске, от Г. В. Арцыбашева, 1914 года рождения, мастера сортопрокатного цеха Магнитогорского металлургического комбината, члена КПСС, лауреата Сталинской премии.

У венгерских сталеваров

В марте — апреле 1951 года проходил месячник советско-венгерской дружбы. Я в составе советской делегации поехал в Венгрию. Радостно и тепло встретили нас в Будапеште. Сначала мы все вместе ходили на общие торжества, а потом разбились по профессиям. Как уральский металлург, я отправился к мартену, на завод имени Ракоши.

Я поделился с венгерскими рабочими своим опытом, показал, как работают советские сталевары.

У них еще пока только возникает ударничество, работа только налаживается. Я спросил директора, сколько они тонн стали снимают с 1 метра пода печи. Оказывается, всего 3 тонны на сталевара. Когда я венгерским рабочим рассказал, что у нас сталевары по 14 тонн стали снимают за сутки с 1 метра пода печи, — они пришли в восторг и страшно удивлялись. Я им объяснил причины такой высокой производительности, рассказал, как у нас в стране любят труд, как у нас заботятся о рабочих и каких успехов добились наши стахановцы.

Много беседовал я с венгерскими рабочими. Я показал им, как держать тепловой режим. У венгерских печей передние стенки через 20 плавок прогорают. Пришлось мне завести по своему массу и обмазать один из столбов.

На прощанье венгерские рабочие мне сказали: «И мы станем счастливыми, потому что начинаем жить и работать по-вашему».

Записала Г. Мельникова, в ноябре 1951 года, в г. Златоусте, от Амосова В. М., сталевара, почетного металлурга.

Мы сильны!

Вы о моем труде просите рассказать? Охотно расскажу! Это самое интересное в моей жизни.

Я поступил в Магнитогорское ремесленное училище № 13 еще в 1941 году. Там много специальностей было — горновые,

сталевары, вальцовщики, огнеупорщики, газовщики, контролеры. Но я мечтал только об одном — сталеваром стать.

Пришел к директору, а он мне вальцовщиком предлагает быть. Я говорю:

— Нет, я вальцовщиком не буду, буду сталеваром!

— Да ты ведь ростом маленький,— говорит директор.

— Ничего. Подрасту!

Тогда еще выпускников-сталеваров не было, и когда я спрашивал учеников первого набора о работе сталевара, они разное говорили. Кто говорил: «Тяжело», кто: «Не больно тяжело, но жарко».

Когда в цех пришли, нас к сталеварам прикрепили. Первый сталевар, который меня обучал, был Алексей Корчагин. Много интересного он мне открыл, многому научил. Учил правильно подходить к мартену, правильно работать лопатой, правильно заправлять стенки, правильно подмазывать переднюю стенку. Одним словом, правильно разбираться в мартеновском производстве.

Вначале у меня, конечно, немало неполадок и недоделок было, потому что сразу взять лопату в руки и овладеть всем нельзя. Но по каким-то причинам сталевар Корчагин меня полюбил: или из-за того, что я смелый был, или из-за того, что быстро воспринимал его советы. Он говорил мне:

— Хочу из тебя сталевара сделать. Ходи за мной. Куда я, туда и ты. Иду ли я насадку смотреть, следуй за мной и смотри, приглядывайся, набивай глаз в разнице температуры, цвета. Выпустили плавку, следи, как происходит заправка, на какие моменты сам сталевар обращает особое внимание.

Через несколько месяцев учебы в ремесленном училище я и многие товарищи из нашей группы стали самостоятельно работать вторыми и третьими подручными на мартеновских печах, не прекращая учебы.

В 1943 году меня, Николая Костенко и Сашу Ембахова выпустили из ремесленного училища по одиннадцатому разряду сталеваров. На завод мы пришли комсомольцами. Я опять подручным стал работать, только уже первым. И только 9 августа 1945 года мне разрешили варить сталь. Мне тогда исполнилось 19 лет, а у мартеновской печи я встал 14 лет. Работа спорилась. Было так радостно! Но хотелось работать еще лучше. И вот я начал упорно изучать методы скоростного сталеварения. В соревновании с известным сталеваром первой печи Мухамедом Зинуровым по скоростному сталеварению победил я, а он победил меня по сверхплановости.

Не раз молодежь и комсомольцы нашего завода выдвигали меня своим избранником. Я был делегатом на I съезде проф-

союзов рабочих металлургической промышленности, делегатом XI съезда комсомола.

Особенно запомнился мне XI съезд комсомола. Он проходил в Большом кремлевском дворце. Когда пришли сюда, радость переполнила нас.

В 6 часов вечера открыл съезд секретарь ЦК тов. Михайлов. Он рассказал о том большом пути, который прошел наш великий комсомол, о тех испытаниях, которые он вынес вместе с народом-победителем в годы Великой Отечественной войны. Потом выступало около 70 человек. Сталевар Кузнецкого металлургического завода Александр Шашков в своем выступлении вызвал меня в этом Большом кремлевском дворце на социалистическое соревнование. Он обещал сварить до конца года 800 тонн стали. Я заволновался. Не могу спокойно сидеть. Пишу в президиум записку: «Вызов сталевара А. Шишкова с гордостью принимаю и обязуюсь до конца года сварить 4000 тонн стали». Тогда только одна мысль захватила меня: «Победить надо этого сталевара». Ну и победил.

В 1950 году наш коллектив — три сталевара: Мухамед Зинуров, Иван Семенов и я — выступил инициатором в социалистическом соревновании за высокопроизводительную и экономичную работу. Мы обязались сварить 12000 тонн стали сверх плана и сэкономить 1 миллион рублей на сыпучих заправочных материалах, на топливе, на огнеупорах. И мы выполнили свое обязательство. Партия и правительство высоко оценили наш скромный труд. Нам присудили высокое звание лауреатов Сталинской премии.

В этом же году меня избрали на общем митинге трудящихся города и завода делегатом на II Всесоюзную конференцию сторонников мира. Здесь, от имени магнитогорских металлургов, я заверил делегатов в том, что наш завод будет бороться за мир и своим трудом поможет быстрее построить коммунизм в нашей стране. Я рассказал о том воодушевлении, которое охватило всех трудящихся нашего города в день подписания Стокгольмского воззвания. На II конференции сторонников мира меня избрали членом Советского Комитета защиты мира. И вот я начал выступать перед молодежью с докладами о мире, привлекать трудящихся к повседневной борьбе за мир во всем мире. Потом меня избрали на III Всесоюзную конференцию сторонников мира. Рабочие поручили мне разоблачать поджигателей войны, бороться, не жалея сил, за дело мира. И от имени рабочих я говорил на III Всесоюзной конференции сторонников мира: «Мы, сталевары Советского Союза, можем лишь гордиться тем, что первоклассная сталь, которая огненным могучим потоком льется из наших печей, не нравится поджигателям войны.

Наша сталь — это комбайны для колхозов, это пятикорпусные тракторные плуги, это буровые машины для геологов и нефтяников, это мощные паровозы, это порталные краны и конструкции на строительстве Московского университета, это шагающие экскаваторы на стройках пятой пятилетки. Нам нужно много стали...

Нет, не война, а мир нам нужен! Война и кровь, ужасы и бедствия миллионов простых людей нужны империалистам, банкирам, фабрикантам. Без войны и агрессии они не могут жить. Но пусть поджигатели новой войны помнят, что силы бойцов за мир неодолимы. Пусть они не пытаются истолковать наше миролюбие, как признак нашей слабости. Мы сильны, как никогда. Наша сталь — это наша сила. Можете, товарищи, положиться на нас, советских сталеваров!»

Записали А. Януш и А. Акулинина, летом 1952 года, в г. Магнитогорске, от В. А. Захарова, 1926 года рождения, сталевара Магнитогорского металлургического комбината, лауреата Сталинской премии.

СОДЕРЖАНИЕ

Устные рассказы рабочих Урала. М. Китайник ; ; ; . 3

ЖИЗНЬ И БОРЬБА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ДО РЕВОЛЮЦИИ

На медном руднике	7
В крепостную пору	7
Тяжело жили приисковые рабочие	8
Перед «волей»	8
Вечно голодали	9
Восьмилетняя нянька	10
Плохая была жизнь	12
На Златоустовском заводе	13
Рабочие требуют	14
Забастовка	16
Бросай работу!	18
Тяжелое детство	20
Боевое крещение	22
Все равно победим!	26
Как мы добивались прибавки	31
В годы реакции	33
Антон Валек в Надеждинске	35
В ученье	37
Большевик Кутасов	38

В ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

За большевиками шли	39
Зверства бандитов	40
Как погиб Антон Валек	42
Федя Горелов	45
Тургояк летом 1919 года	46
Новые песни	48
Сами хозяева	48
Светлый итог жизни	49
Женщины — большая сила	50

Жизни своей не жалели	53
На стройке Уралмаша	54
Быть на уровне жизни	55
Старые мастера	56
Мы строили Магнитогорск	58
Первые тракторы	59
Стахановский труд	60
В дни войны	61
Стахановская вахта	64
С верой в победу	66
В гостях у воинов-уральцев	69
Многoperфораторное бурение	74
Живем дружно	76
Стрелочники	78
Новая норма	80
На отечественной машине	80
Люблю работать в шахте	81
Рекорды прокатчиков	82
Учу молодежь	83
Работать для мира	84
Высокая награда	85
За мир во всем мире	86
За новые успехи!	87
Только вперед!	88
У венгерских сталеваров	90
Мы сильны!	91

МКУ ГО Заречный "ДБС"
Инв. № 164631

Редактор *И. Круглик*
Художник *Д. Шимилис*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректор *Т. Меньщикова*

*

Подписано к печати 4/IX 1953 г.
Уч.-изд. л. 5,37. Бумага 60×92/18 = 3
бумажного — 6 печатного листа.
НС34272 Тираж 15000 Заказ № 90
Цена 2 р. 15 к.

*

5-я типография треста Респблиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

*

100

100

3

2 p 15 d.